

ВОЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

**СТАЛЬНОЙ
ЛАБИРИНТ**

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

Военная фантастика (АСТ)

Александр Зорич
Стальной лабиринт

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зорич А.

Стальной лабиринт / А. Зорич — «Эксмо», 2016 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-699-91727-3

XXVII век. Россия давно превратилась в могучую космическую сверхдержаву. Ей противостоит государство Конкордия, созданное религиозными фанатиками. Для молодого капитана танковых войск Константина Растова, война с Конкордией началась на планете Грозный. Рота средних танков Т-10, находящаяся под командованием Растова, вынуждена вести оборонительные бои. Черeda ожесточенных схваток, ночные рейды, поединки танковых асов: казалось бы, некогда думать о своих чувствах, но война любви не помеха... «Стальной лабиринт» – танковое продолжение легендарного цикла Александра Зорича «Завтра война».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91727-3

© Зорич А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	45
Часть вторая	53
Глава 1	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Зорич

Стальной лабиринт

Серия «Военная фантастика Александра Зорича»

© Зорич А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Часть первая Война

Глава 1 Высота 74

Январь, 2622 г.

Высота 74

Планета Грозный, система Секунда

Танк бортномер 100 замер на границе между дикой саванной и полями преуспевающей сельхозкоммуны «Царица полей». В небесах горело яркое солнце, но воздух был по-зимнему неласков – работал океанский циклон.

«Дз-зинь!»

Оперенный подкалиберный снаряд чиркнул по броне с перепиливающим нервы звоном и, разлетевшись на куски, начисто срезал с левого борта башни навесной миномет «Антон».

«Пробития нет», – меланхолично констатировал парсер.

«Еще бы нет! – злорадно прибавил к этому капитан Константин Растов. – Побольше нам таких недоучек в клонских танковых войсках... Они бы еще с семи километров выстрелили!»

Капитан утопил педаль управления башней, и шестидесятитонное средоточие русского танкостроительного гения Т-10, прозванное речистыми еврожурналистами «эршрокен-хайт-панцер», то есть «танк-кошмар», перебросило пушку налево.

Автоматизированный прицел сразу захватил пять целей. Миг – и цели были распознаны: конкордианские танки «Рахш».

Растов выбрал ближайший.

Но стрелять не спешил.

Не хотел повторять ошибку клонского недоучки.

Ясно было, что если тот не смог пробить башню его машины в борт с пяти километров, то взять «Рахш» в лоб его Т-10 не сможет и подавно.

– Степан, давай назад и подыщи нам лошину поуютнее, – приказал Растов мехводу Фомину. И продолжал – в основном чтобы подбодрить себя и экипаж: – Засядем там, кофейку выпьем... Подпустим «Рахши» поближе, а потом устроим им вырванные годы.

– Есть искать лошину поуютнее! – радостно отозвался мехвод.

Определив действия своего танка на ближайшее время, Растов занялся другими машинами роты.

– Здесь «сотый»! – Капитан гаркнул так громко, что сразу понял: переборщил с децибелами; он продолжил уже тише: – Мужики, предыдущая задача отменяется. Как вы заметили, клоны уже на подходе. Поэтому становимся в жесткую оборону прямо здесь. Первому взводу – занять позиции к западу от фермы...

– Принял плавно, выполняю, – отозвался Соснин, комвзвода-1.

Растов продолжал:

– Третьему – отойти на гребень высоты семьдесят четыре...

– Товарищ капитан! – Это был ершистый комвзвода-3, Авраам Хлебов, единственный афрорусич во всем их батальоне, танцор, гуляка и неутомимый рассказчик. – Сомнение у меня...

– Выкладывай!

– Как бы нас на этой высоте не того... Слишком уж она лысая.

Капитан Растов прикусил губу. Он делал так всегда, когда погружался в особенно тяжелые раздумья на спорные темы. Да, высота открытая, простреливаемая, зацепиться не за что. Да, у него самого сомнения. Два мешка сомнений. Да, решение не ахти...

А какое «ахти»?

Оставить роту в сомкнутом боевом порядке и вовсе преступно! Их сможет накрыть одним залпом батарея самых заурядных РСЗО – реактивных систем залпового огня... Да любой флуггер кумулятивных бомб сыпанет – и больно будет.

– Принимается, – кивнул Растов невидимому собеседнику. – Понимай задачу как гибкую оборону. Выйдешь на высоту, отстреляешься по клонам – и на обратный скат, на перезарядку. Потом снова на макушку – и огонь. А через два-три цикла уходи к родникам у северного подножия высоты... Оттуда поддержишь нас огнем с закрытых позиций.

– Кстати! – совершенно некстати обрадовался комвзвода-3. – В этих родниках вода, говорят, целебная.

– Вот и подлечишься.

Стоило местному солнцу, звезде Секунде, зайти за облую дымчато-серую тучу – и разгорелся настоящий бой.

Рев четырех десятков танковых пушек огласил долину.

Конечно, капитан Растов знал, что со стрельбой по вражеским танкам прекрасно справятся наводчик Чориев и автомат заряжания. Но азарт боя в который уже раз вовлек его в ратное безумие.

Он раз за разом захватывал в прицел левую гусеницу очередного клонского танка и, командуя самому себе «огонь!», посылал в цель снаряд.

Клонские машины по инерции проползали еще десяток метров, разворачиваясь к взводу Соснина правым бортом.

Ну а Соснин, конечно, не зевал. Клоны запылали. Первый, второй, четвертый...

– Товарищ командир! Товарищ командир! – пытался докричаться до Растова сержант Субота – стрелок-оператор его танка. – С «двести пятого» передают: новые бронещели идут к родникам...

– Куда?! – гаркнул Растов.

– Ну, к родникам! Где вы Хлебову запасную позицию определили!

До Растова не сразу дошел смысл услышанного – очень уж он умел увлекаться.

Но когда дошел, капитан среагировал мгновенно.

Они рубились здесь, на Грозном, с клонской танковой дивизией уже неделю. Собственно, с первого дня войны. И Растов твердо усвоил: танки врага никогда не ходят в бой малыми группами. Если уж кого-то наши засекли на дороге к родникам, можно быть уверенным: за головным взводом подтянется шумная, драчливая компания.

Что тут скажешь?.. Плохо. Очень плохо. Но к тому, что клонских танков будет вдвое, вчетверо больше, чем его «тэ десятых», он был готов с самого начала.

– Хлебов, слышишь меня? – сказал Растов, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно. – Хлебов, вызывает «сотый»!

Ответа не было.

Тогда Растов вызвал своего заместителя, комвзвода-2.

– Загорянин, ты где?

– На звезде, Костя, на звезде, – послышалось в ответ. Они с Растовым были годками – если смотреть по выпуску из академии. Что подразумевало некоторые вольности. В частности, Загорянин был единственным человеком в роте, которому разрешалось называть капитана Костей.

– Давай без этого вот.
– Веду огневой бой с противником в сорока метрах от тебя.
– Слушай, Загорянин, не могу вызвать Хлебова. Если он тебе ответит, предупреди: к нему гости. Идут ему точно в правую скулу.

– Понял. Один сек, – проворчал Загорянин.

Следующие полторы минуты капитан Растов был полностью поглощен дуэлью с клонским танком, который, подбив соседний Т-10 (из второго взвода), едва не снес главный калибр растовского сухопутного броненосца. При этом мерзавец так ловко маневрировал, что не удалось даже пощекотать его, не говоря о большем.

Только Растов решил взяться за гада вплотную, как на связь вышел Загорянин.

– Не отвечает Хлебов. Уж я и так, и сяк, – сказал он. – В общем, у меня плохие предчувствия.

– У меня тоже, – Растов удивился тому, как глухо, оказывается, звучит его голос. – Значит, слушай, остаешься со взводом на месте... А я погнал к Хлебову, разберусь, что там у него... Ты все слышал, Фомин? – добавил Растов уже для своего мехвода.

– Я даже развернуться успел, – ответил Фомин.

У Хлебова оказалось еще горячее, чем ожидал Растов.

Из пяти машин две уже пылали. А три непрерывно сотрясались от носа до кормы.

Основательно ухали танковые пушки.

Подвывали навесные башенные минометы.

Стволы пулеметов самозащиты, накаленные добела, рыскали туда-сюда, отстреливаясь, казалось, от всего мира сразу.

Земля вокруг была превращена разорвавшимися снарядами в безобразное подобие стройплощадки: воронки, канавы, горы свежей глины, пласты дерна. И во всем этом – ни красоты, ни смысла, ни тайны...

Клонов же было не меньше роты, и подойти они успели до неприличия близко. И хотя умницы из третьего взвода изрешетили не меньше семи супостатов, они не смогли остудить нездоровый пехлеванский пыл.

Две группы «Рахшей», разлинованных неуместным здесь, среди дикой саванны и кукурузных полей, городским камуфляжем, обтекали горящих собратьев. Им так хотелось подобраться к русским друджвантам еще ближе! На дистанциях менее полутора тысяч метров у клонов появлялось роковое для Т-10 преимущество, которое они во что бы то ни стало хотели реализовать!

– Вот же твари... – злобно процедил Хлебов, который наконец-то прорезался в эфире.

– Ну слава богу, – невпопад сказал Растов.

Хотя по довоенным нормативам положение третьего взвода было ужасным с уклоном в очевидно безнадежное, по понятиям наступившей военной поры, танкисты Хлебова «прочно удерживали занимаемый рубеж, успешно отражая атаку многократно превосходящих сил противника».

Растов, как командир роты, не имел права все свое внимание отдать третьему взводу. Он намеревался оперативно помочь Хлебову огнем своего танка и на полной скорости вернуться к своим, в центр боевого порядка, чтоб не баловали там без него.

Ведение огня Растов наконец-то доверил Чориеву, а сам вперился в командирский тактический экран.

Парсер его танка собирал информацию от всех машин роты. И эту информацию он, как командир, был обязан наконец-то осмыслить...

Но не успел капитан оценить успехи взвода Соснина, как его вниманием завладело темно-серое пятно, стремительно пронесшееся по одному из экранов кругового обзора.

Растов перевел две камеры в режим сопровождения приоритетной цели. И как только отработали приводы автофокусов, увидел нечто странное.

Капитан не сразу узнал в припоздавшей машине обычный клонский «Рахш». А все из-за цвета. Ну кто, интересно, отдал приказ выкрасить стального монстра в цвет беспилотника-шпиона? Кто и зачем?

Но страннее всего была эмблема, занимавшая почти всю высоту башенной скулы.

Восьмиконечный красный крест, приплюснутый сверху. Похожий то ли на снежинку из дизайнерского кошмара, то ли на противотанковый еж, разглаженный космодромным катком, дурой в три этажа высотой...

Растов не был суеверен и с упорством человека, одаренного физически, презирал всяческую «эзотерику». Но если бы умел, если бы смог прочесть эту подсказку судьбы, то узнал бы: явление серого стального зверя с inferнальной красной снежинкой на башне не предвещает ничего хорошего.

Танковые парсеры третьего взвода были перегружены целями. Ни один ствол не метнулся к волочащему за собой пыльный шлейф серому «Рахшу».

Автоматика родного танка Растова тоже не отреагировала на появление новой цели. Поэтому капитан отобрал управление и у парсера, и у Чориева (наводчик обиженно крикнул), после чего совместил прицельный визир с четвертой упрежденной точкой – она соответствовала башенному погону, самой уязвимой детали «Рахша» в лобовой проекции.

– Усиленный броневой! – рявкнул Растов.

– Есть усиленный броневой! – отрепетовал автомат заряжания.

Мелодично звякнул досылатель.

Многообещающе зашипела автоматика затвора.

Пробег снаряда по стволу отозвался в ступнях Растова бодрящей дрожью, опередив на доли секунды грохот выстрела, задавленный активной акустикой наушников.

Двенадцатикилограммовый лом длиной в руку взрослого человека преодолел расстояние до серого «Рахша» за несколько мгновений.

На захватски скошенном лобовом листе башни сверкнула отчетливая, нестерпимая вспышка.

К сожалению, попадание пришлось совсем не туда, куда метил Растов.

– Командир, вы это... понижайте, – робко посоветовал Чориев.

– Да знаю я, что ниже, – огрызнулся Растов.

Новую прицельную точку он выбрал сразу же.

Но для того, чтобы сделать следующий выстрел, танку требовалось время.

Оказалось, что выпущенный усиленный броневой был заодно и последним в укладке автомата заряжания.

Теперь нужно было ждать, пока сержант Субота перебросает десяток контейнеров со снарядами из кормовой ниши в лоток автомата. Тяжелая физическая работа, между прочим.

– Субота, да что ж ты возишься так долго?! – в досаде воскликнул Растов и тут же потребовал от Фомина: – Степа, а давай-ка... полный вперед!

Фомин немедленно выполнил. Но приказание настолько не соответствовало обстановке и было настолько странным, что не возмутиться он не смог:

– Зачем еще этот «полный вперед», командир?! Ведь сожгут! Как пить дать сожгут!

Но Растов как не слышал его.

Для капитана в мире существовали теперь только две вещи: красная снежинка на серой броне и холостое, голодное жужжание автомата.

– Готово! – выкрикнул Субота и кудряво выругался чему-то своему; про такие реплики в пьесах пишут «в сторону».

Растов выстрелил.

Одновременно с ним заговорила пушка над красной снежинкой.

Говорила она то же, что и все прочие танковые пушки во Вселенной: «Ад!», «Смерть!», «Крышка!», «Нет спасенья!».

Но поскольку на «Рахшах» – Растов во всех нюансах знал вражескую матчасть, в Харькове учили на совесть – стоял экзотический револьверный автомат ускоренного заряжания, все это она выплюнула заплетающейся скороговоркой.

Все шесть снарядов расточительный клон выдал одной очередью.

Танк Хлебова разрезало надвое.

Вероятно, первым же снарядом ему раскурочило передний бронелист днища. А потом еще как минимум два смертоносных подарка, воспользовавшись проделанной брешью, разорвались у дальней стенки боевого отделения.

Растов был уверен: после такого не выжил никто. Ну разве что особой милостью Божьей.

Но на внимательное отношение к достойной того трагедии машины Хлебова у капитана не было времени. Ведь перед ним по-прежнему серел танк врага – с виду целый.

Нет, что-то в этом танке изменилось...

Но что именно?

Первым как следует разглядел супостата внимательный Чориев.

– Ты полбашни ему снес, командир, клянусь тысячей ташкентских девственниц! Там капец всем пришел!

Растов дал увеличение.

Черт возьми, он и правда попал!

Снаряд пришелся под верхнюю кромку башенной крыши.

Он сбрил ее полностью, распоров сверхпрочные швы молекулярной склейки и прихватив за компанию почти всю оптику.

С зазубренного края свисала окровавленная рука с клонскими армейскими часами.

«Неужели только мехвод остался?» – с робкой надеждой подумал Растов.

Но нет.

Выстрелы загремели неожиданно.

Первый...

Второй...

Третий... И сразу четвертый...

Теперь клон бил одиночными. И до невероятия прицельно.

Своей мишенью методичный гад избрал последнюю уцелевшую машину из взвода Хлебова. А именно – танк номер 305.

Первый же выстрел оторвал «триста пятому» правую гусеницу.

Второй снес башню с упитанным российским орлом.

Третий выбил из-под днища фонтан красной грязи.

Ну а четвертый проделал в лобовой броне дыру размером с грейпфрут.

– Что за шайтан?! – возмутился Чориев. – Мне снится это?!

– Мне снится то же самое, брат, – тихо отозвался Фомин.

За время этого обмена репликами Чориев успел выстрелить дважды, а Растов, оторопевший не меньше вверенных ему бойцов, – обнаружить на экранах кругового обзора целого и невредимого Хлебова.

Залитый кровью с ног до головы чернокожий лейтенант бежал по земле на четвереньках – шустро, как младенец-переросток. Но двигался он куда-то совсем не туда, куда следовало бы, а его пухлые губы шевелились, будто он говорил вслух с травинками...

«Контузия», – подумал Растов.

От разбитого «триста второго» к Хлебову приближались, и тоже ползком, трое.

Растов машинально отметил, что все спасенные танкисты находятся в зоне эффективного огня пулеметов серого «Рахша».

Клоны всегда в таких ситуациях открывали огонь. Они имели приказ хладнокровно выбивать дорогой личный состав врага и выполняли его с прилежным упоением.

Но пулеметы этого «Рахша» почему-то молчали.

Растов, впрочем, не сомневался в том, что это случайность. Либо механизм заклинило, либо патроны кончились, либо стрелок-оператор молится Ахурамазде и надиктовывает на планшет мемуар «Как я разводил педали злонравным друджвантам». Вот сейчас он надиктовывать закончит – и...

Впрочем, если серьезно, то стрелок-оператор мог быть и мертв: кого-то же они все-таки в башне сейчас прикончили – наводчика, командира, стрелка-оператора?!

А Чориев как назло все никак не мог добить вертлявого клона, который только что развернул башню прямоком на их машину!

Дистанция была такой, что промахнуться не представлялось возможным. И вопрос был лишь в том, кто успеет выстрелить первым.

Но на приборной панели полыхнул алый транспарант системы «Кольчуга», парсер взвизгнул: «Ракеты на подлете!», а Фомин, в который раз продемонстрировав сверхчеловеческие рефлексy, резко бросил бронированную тушу назад.

Поэтому снаряд, выпущенный Чориевым, пошел к цели с метровым смещением. И с двухметровой ошибкой пришли в расчетную точку оба последних снаряда клонского аса.

Карбид-вольфрамовое жало оскользнулось о броню растовского Т-10 и зарылось в землю на глубину артезианских вод.

На этом бой для них закончился.

Через секунду позицию разгромленного взвода Хлебова накрыли разрывы клонских ракет, Растов получил категорический приказ комбата уходить в джунгли, и бронированные гиганты, заслужившие честь полагать себя непобежденными, один за другим рванули к спасительной опушке джунглей – напоенных влагой, залитых неприязненным сумраком, инопланетных.

Глава 2

Шифровка

Январь, 2622 г.

Лесхоз «Биобаланс»

Планета Грозный, система Секунда

Как и рассчитывали отцы-командиры, в джунглях танкам Растова удалось оторваться от преследователей.

На пять с плюсом сработали саперы.

Подрывы управляемых фугасов завалили лесные просеки, перегородив дорогу клонским танкам шлагбаумами необхватной толщины.

А когда самые ретивые, двинувшие было в объезд, наехали на минное поле и разом взлетели на воздух три танка в нелепом городском камуфляже, осторожный адмирал Рашнар Ардари, руководивший операцией лично, отдал стоп-приказ, присовокупив к нему пару крепких выражений, смысл которых сводился к краткому «Пролюбили – значит пролюбили».

Восемь избитых, израненных машин – все, что осталось от роты Растова, – благополучно растворились в густых запахах рано отходящего ко сну леса.

Спустя четыре часа ночного марша, по данным ПНВ и коротковолновых радаров, мехвод Фомин заглушил мотор перед воротами лесхоза «Биобаланс».

Как ни странно, лесхоз оказался обитаем – открывать ворота прищандыбал колоритный старик лет восьмидесяти со шкиперской бородкой, в линялой майке цвета хаки и шортах-камуфляжах с десятком накладных карманов. На шее егеря красовалось ожерелье из зубов местного красногривого волка, а мускулистые, густо татуированные плечи и шея намекали: старик прожил бурную жизнь, где находилось место всякому, в том числе, возможно, и не вполне законопослушному поведению.

– Милости прошу, родные! – Хозяин лесхоза просиял фарфоровыми зубами сквозь реденькие седые усы.

– Здорово, батя, – устало кивнул Растов. – Хорошо, что мы «родные»... А вот если бы это клоны оказались?

– Один хрен открывать надо... Зачем мне выломанные ворота? – Старик продемонстрировал живой практический ум. И добавил: – Зовите меня Ипполит.

– А отчество?

– За каким лядом тебе мое отчество, сынок? – отмахнулся егерь.

Ипполит оказался чрезвычайно полезен.

Начать с того, что он помог загнать в пустующий ангар из-под пожарной техники два танка, а третьему отвел место в конюшнях (в лесхозе было принято охотиться на лошадях). Затем егерь отвел Растова и мехводов в джунгли, где они вместе подобрали укрытия для остальных пяти танков среди ближайших буреломов, сплошь затянутых лианами.

Эту вылазку Ипполит украсил зарисовками о кровожадных повадках местного зверья.

Растова особенно поразил рассказ об исполинском леомангусте, который всегда затаскивает свою жертву на самую вершину дерева перед тем как съесть...

– К счастью, леомангустов здесь с гульки хер... Не любят они человеческого запаха, понимаешь. А если флуггер проревет, так у пятнистых негодяев и вовсе депрессия начинается... Так что не ссыте, герои, – приободрил танкистов Ипполит.

Тут же, легки на помине, в невидимом за могучими кронами деревьев небе промчались клоны. Видно не было ни черта, Растов еще не научился распознавать клонские флуггеры по

звуку, а потому оставалось лишь гадать: разведка, легкие транспорты, истребительный патруль или штурмовики в свободной охоте.

– Чтоб вам свалиться, – недобро блеснув глазами, проворчал егерь.

К счастью для клонов, они не свалились, а к счастью для русских танкистов – не обнаружили присутствия восьмерки Т-10 на дне живого океана джунглей.

Когда бронированные машины были устроены, старик от души накормил ночных гостей – то ли поздним ужином, то ли ранним завтраком.

Меню оказалось не лишенным изысканности: копченые угри, суп из лисичек с вермишелью и съедобными желудями, а еще были гренки с адыгейским сыром, жареные свиные колбаски и бражка из местных съедобных орхидей.

Вся снедь была умята в мгновение ока, а тарелки досуха вылизаны. Даже всякое выдававший Растов подивился аппетиту своих орлов.

Бражка же произвела на танкистов воистину неизгладимое впечатление. («Из цветов, прикинь?») Хотя, на утонченный вкус Растова, непростительно отдавала гидролеумом.

– Я даже как заснул не помню! Просто взял – и вырубился! – сообщил мехвод Вологдин своему командиру экипажа сержанту Крестову, энергично растирая отекавшее со сна лицо ладонями.

– А я помню. Ипполитыч как раз про растения-людоеды рассказывал. Что, мол, одурманивающей слизью спящего обволакивают и все, суши весла... На этом месте я и отбился...

Растов с наслаждением обрушил на голову водопад ледяной воды из деревянного ведра – душ в лесхозе, конечно, не работал, ведь генератор было решено не включать в целях маскировки. Затем он обстоятельно вытерся полотенцем с эмблемой древней какой-то Олимпиады (он тогда еще в младшую школу ходил и звался «Косенькой»).

Натягивая штаны, Растов слушал доклад комвзвода Соснина.

– ...Без происшествий. Также было получено кодированное сообщение от комбата. Он со штабом и разведротой прибудет в точку сбора три километра северо-западнее лесхоза к десяти ноль-ноль текущих суток.

Растов поглядел на часы. Семь тридцать, однако! Времени – вагон.

– Что-нибудь о противнике? – спросил он у Соснина.

– Выполняя ваше приказание, мы активные средства, включая беспилотники, не применяли. Радиоперехват позволяет судить, что клонский танковый батальон остался на позициях у высоты 74. Но сами понимаете, товарищ капитан, если они двинули в лес на разведку пешком, то мы их никак выявить не могли...

– Разумно, – вздохнул Растов.

Капитан отпустил Соснина и уже собирался попросить у Ипполитыча (за ночь прозвище пристало к хозяину намертво) чаю и завтрак, когда к нему подошел взволнованный Субота.

– Разрешите обратиться!

– Что у тебя, Серега? – спросил Растов.

– Голубь! Почтовый! Сейчас его Фомин сторожит!

– Не морочь мне голову, честное слово, – отмахнулся Растов, шагая к летней кухне, где маячили татуировки Ипполитыча. – Юннаты нашлись... Вы еще ежика подберите, чтоб кормить его молоком из мисочки! Тогда голубю будет нескучно в компании...

– Так не просто голубь! Почтовый, я же говорю!

– И что «почтовый»?

– Принес почту! Донесение! Доставил!

– От кого? – Растов поглядел на Суботу своим самым усталым взглядом.

– Не знаю... Там столбцы цифр... Шифр.

– Где вы его вообще взяли, этого голубя?

– А тут у него голубятня... У Ипполитыча! Вы не заметили разве?

До Растова наконец начало доходить, что дело, которое не стоило выведенного голубинового яйца еще минуту назад, стремительно приобретает высшую ценность.

– Ипполитыч, тут Серега говорит, тебе письмо, – опершись о дверной косяк с самым хулиганским видом, сказал Растов. В обществе Ипполитыча он сразу молодец на десять лет, и бремя ответственности, навалившееся на его командирские плечи с началом войны, казалось, легчало.

– От кого еще? – удивился егерь.

– А шут знает... Оно шифрованное. Может, от твоей подружки.

– Моих подружек, сынок, уже черви на погосте доедают, – не оценил комплимента Ипполитыч.

– Поглядите, вот, – Субота протянул старику замусоленную бумажку.

Она была покрыта неровными столбцами цифр, написанными от руки всепогодным офицерским карандашом. Такой карандаш способен оставлять след даже под водой высокой солености. Даже на льду.

– «Два по сто и еще двести», – вслух прочел Ипполитыч. – Я, пожалуй, столько не выпью... Возраст уже.

– То есть вы не знаете ключа к этому шифру? – уточнил Растов.

– Да ни бже мой! – Ипполитыч зачем-то перекрестился. – Мы тут, когда с Усачевым голубиной перепиской баловались, так нормальным русским языком общались. Скажем, я ему: «Юрчик, востри лыжи ко мне! Ланка пошла и настойка созрела!» А он мне: «Не могу, у меня инспекция из Новогеоргиевска» или «Благоверная мозги проедает, чтоб к дочке съездил, разводом грозит». Зачем тут шифр? Кому я вообще нужен? Клоны вон – и те мной, таким хорошим, побрезговали.

Растов зачем-то кивнул, непонятно с чем соглашаясь.

С утра он традиционно соображал неважно. Но даже и в таком заторможенном режиме его мозги через минуту все-таки выдали правильное решение.

– Сережа, сбегай-ка за моим планшетом, – попросил он Суботу.

Через несколько минут, сидя с чашкой горького травяного чая в кресле, скрученном руками мастеровитого Ипполитыча из толстых местных лиан, он уже прикладывал к сканеру шифрованную записку.

К его великому удивлению, сканер распознал, а дешифровщик «расколол» содержимое голубинового письма. Притом в два счета.

**«ГРУППУ ПЛЕННЫХ 30 ЧЕЛОВЕК ДЕРЖАТ ЧАННОМ ЦЕХУ
ШЕЛКОФАБРИКИ. ЕСТЬ РАНЕННЫЕ: ЛЕЙТЕНАНТ ХЛЕБОВ, ДУГИН,
БУЛЬБАШ.**

ПОДПИСЬ: ИНЖЕНЕР-КАПИТАН ОБЕРУЧЕВ»

Растов нахмурил брови и поглядел вначале на Суботу, застывшего с улыбкой закоренелого двоечника, а затем на Ипполитыча, который остервенело нарезал лимоны к завтраку, словно те, брызгая во все стороны мутной своей кислотой, могли ответить на главный вопрос утра: в записке правда или нет?

То, что Хлебов во вчерашнем бою не погиб, а попал в плен, было вполне правдоподобно.

То, что шифровка составлена не кем-нибудь, а заместителем начальника техслужбы космодрома Новогеоргиевск-Военный Оберучевым, тоже более-менее сходилось. Самый грамотный, память наверняка как у астропарсера, иначе до этой должности не дослужился бы...

Но что, если все равно ловушка?

Клоны питают пристрастие к военным хитростям, Растов это помнил с первого курса академии. Клоны, знал он, могут потратить неоправданное, гигантское количество усилий на то, чтобы попытаться кого-нибудь обмануть. Заманить в капкан, в огневой мешок... Хотя куда эффективней те же усилия могли бы быть использованы для организации нормальной войсковой разведки и массированного поражения выявленных целей в местах сосредоточения.

Так ловушка или нет?

Ответить на этот вопрос Растов самостоятельно не мог. Не хватало данных.

Но, рассудил капитан, если данных не хватает у него, ими может располагать высшая командная инстанция. А потому он решил отправиться к своему непосредственному начальнику, комбату Уляничу – тот вместе со штабом должен был, согласно донесению Соснина, вскоре появиться поблизости.

– Правда это или неправда, насчет тридцати пленных на шелковой фабрике, разницы для нас нет, – отрезал майор Улянич.

– То есть как это?! – не понял Растов.

– А вот так, Костя. Допустим, на шелковой фабрике клоны действительно содержат наших пленных. Но что мы можем предпринять?

– Как это «что»?! – едва не задохнулся от возмущения Растов. – Глубокий разведпоиск! Силами, предположим, танкового взвода! Провести его в общем направлении на шоссе Ново-георгиевск – Шахты. Прикрываясь складками местности в районе Молибденового края, взвод выйдет напрямик к фабрике и, истребив охрану, освободит пленных!

Улянич усмехнулся – одновременно тепло и снисходительно.

– Ну ты артист, Костя.

Растову показалось: майор с ним вот-вот согласится. Он горячо продолжил:

– Я сам поведу взвод! Мне никаких волшебств и чародейств не нужно! Дайте мне только от разведчиков ПТ-50 с экипажем сержанта Николаевского, а из тяжелой автороты – три колесных транспортера...

– Колесных транспортера? – Улянич заломил бровь цвета спелой ржи. – Ты что, собрался попутно двести тонн шелка с фабрики вывезти?

– К черту шелк! Я загоню свои танки на транспортеры. Поверху зашьем их маскировочными панелями. Подделаемся под пусковые установки клонских крылатых оперативно-тактических ракет «Фаджа». Я в этом деле разбираюсь, еще в академии на них специализировался. Сделаем все быстро, клоны ничего сообразить не успеют...

– Костя... – Улянич опустил взгляд и примолк. – Все это, конечно, очень привлекательно... И я в тебе не сомневаюсь... Но рисковать... Понимаешь, рисковать своим лучшим командиром и половиной наличного состава его роты я не имею права!

– Но ведь записка! Это же все не зря? – Растов положил на ладонь шифровку и развернул ее к Уляничу, словно та была чудотворной иконой, способной одним лишь своим иномирным видом переменить реальность к лучшему.

Но реальность в лице Уляничу не переменялась.

– Костя, ты мне на жалость не дави и в авантюры меня не втягивай... Я и так на пределе. Не видишь, что ли, какая обстановка? У клонов – трехкратное преимущество по наземной технике... А в воздухе вообще – решающее превосходство. Единственное, что мы можем, – партизанить здесь, по джунглям. Это позволяет хоть на что-то надеяться. И именно таково решение комдива Святцева... А ты мне предлагаешь «Три мушкетера» какие-то с этой своей глубиной почтой! Атос, Портос и этот, как его...

– Арамис, – мрачно откликнулся Растов.

– Да, и Арамис.

Глава 3

Комдив настроен скептически

Январь, 2622 г.

КП 4-й танковой дивизии

Планета Грозный, система Секунда

Однако Растов от своей идеи не отступился.

Через голову румяного и русого майора Улянича – хоть это было категорическое не комильфо – он решил доложиться полковнику Святцеву.

Причем, поскольку местонахождение комдива было тайной за семью печатями, для того чтобы разыскать его, он был вынужден совершить настоящий служебный проступок.

А именно – злоупотребить своими личными довоенными контактами с капитаном Сечиным.

Сечин был начальником связи их батальона. Он почти безвылазно обитал в командно-штабной машине К-20, заросшей гранеными сталагмитами антенн, и несмотря на скромное звание, Сечин был в дивизионной иерархии Очень Важным Товарищем.

Растов помнил Витьку самоуглубленным молчуном с мягкой щеточкой рыжих усов над тонкой красной губой. Эту-то губу он и расквашивал многократно во время их спаррингов в новогоргиевском армейском клубе «Мечта».

Капитан ввел Сечина в курс дела, показал записку.

Напирал, что раненые могут умереть, от клонов ведь не дожدهшься толковой медицинской помощи, разве что коновал какой-нибудь рану перевяжет, они и своих-то лечат только в хорошем настроении... Говорил, что произошло недоразумение. И что Улянич был не в духе, а потому не смог понять, как это важно – попытаться спасти людей...

Через двадцать две минуты Виктор Сечин сдался и выдал Растову местонахождение штаба дивизии.

Святцев принял Растова сразу, не заставил ждать ни секунды.

Это было здорово!

Впрочем, Растов трезво отдавал себе отчет в том, что такой уступчивости со стороны Святцева, полковника и человека-легенды, он обязан только лишь своей звездной фамилии...

В кунге кроме самого полковника помещался только его начштаба и один радист. В тесно обтянутую рубахой спину этого радиста Растов как раз и уперся, когда сделал неуместно широкий шаг через порог.

– Товарищ полковник! Капитан Растов, командир первой роты второго танкового батальона, прибыл.

– Прибыл по приказанию майора Улянича? – Святцев исподлобья взглянул на вошедшего.

– Никак нет! По собственной... инициативе, – стушевался Растов. – Но вопрос у меня служебный.

– Излагай, капитан.

Растов рассказал все по порядку. Про тот бой, где зловещий клонский ас с красной снежинкой уничтожил взвод Хлебова. Про лесничество, егеря Ипполитыча, почтового голубя и записку Оберучева.

– В итоге я, товарищ полковник, предложил комбату предпринять вылазку, чтобы освободить наших ребят, спасти раненых. Но майор Улянич мне отказал. В категорической форме.

Растов шумно выдохнул, словно хотел одним махом выбросить из тела все накопившееся в нем разочарование.

Святцев задумчиво покивал. Мол, раненые, да...

Помешал крохотной серебряной ложкой кофе-ристретто. Чашечка была величиной со скорлупу грецкого ореха.

Потом, ни слова не говоря, включил штабной парсер и бросил взыскующий взгляд на карту, которая спроецировалась на стену кунга.

– Вот эта, что ли, фабрика? – Святцев ткнул лазерной указкой в объект, похожий на букву «П», выложенную из плиток белого шоколада, в окружении зеленых лоскутов шелковичных плантаций.

– Да, это она.

– Ты вот здесь пройти собираешься? – Полковник с интимной какой-то деликатностью провел указкой вдоль отрогов Молибденового кряжа.

– Конечно. Я считаю, что этот район еще не взят клонами под надежный контроль. У них же тоже силы не безразмерные. Условия местности позволят нам проскользнуть до автострады незамеченными.

Святцев вновь помешал кофе. Затем пророкотал:

– Ну хорошо, допустим «тэ десятые» ты замаскируешь под клонские ракетные установки... А плавающий танк ты под что замаскируешь? Под субмарину? – Святцев ехидно подмигнул.

– Его вообще маскировать не надо, только конкордианский флаг на башне разложить. Издалека, на радарх, ПТ-50 все равно будет похож на клонский десантный танк «Фраздан». А вблизи клоны увидят свой флаг и поймут, что ПТ-50 – трофейный.

– Горячий ты, Константин, как батарея... И в кого только такой? Уж точно не в отца, – задумчиво, словно бы самому себе, заметил Святцев. – А с водителями что? Если проверка на дорогах? Военная жандармерия?

– У меня есть пара бойцов, которые на фарси говорят. Но хорошо бы еще упротить Улянча дать нам Витю... Капитана Виктора Сечина, я хочу сказать. Тот вообще говорит как бог, он в Конкордии десять лет прожил, с родителями. Они у него врачи-эпидемиологи.

– Вот на Сечина ты рот-то не разевай! Сечин мне тут нужен, живой и здоровый... Башковитый он парень, этот Витька. Рисковать им нельзя.

– Ну, значит, без Сечина управимся. – Капитан сам не заметил, как упрямо набычился.

– А вот еще вопрос тебе, Растов-младший... – Святцев выдержал железобетонную паузу и лишь затем продолжил: – Что, если донесение Оберучева – фальшивка? И вас там, на фабрике, уже пехлеваны с тесаками поджидают?

– Значит, погибнем смертью храбрых, товарищ полковник.

Этот ответ не понравился Святцеву больше остальных.

Он нахмурил брови, загнул недовольной скобой губы – будто пил не ароматный местный кофе, а вонючую микстуру против глистов.

– Не в ту степь тебя несет, капитан... Ой не в ту!

Растов почувствовал: убедить скептически настроенного комдива ему не удалось.

Как видно, Святцеву явственно представилось, каким взглядом наградит его Растов-старший, когда узнает, что его Костя пал смертью храбрых в каком-то абсурдном бою на никому не нужной шелковой фабрике...

Вдруг на алюминиевом столике перед радистом ожил громоздкий аппарат шифросвязи. Разразившись дробным цоканьем, машина выдала небесно-голубой бланк со свежераспечатанной телеграммой.

– Товарищ полковник, – радист обернулся к Святцеву, – вам тут «воздух», совсекретно...

Полковник неприязненно глянул на Растова, мол, задерживаешь. Но ничего не сказал. Взял в руки бланк, пробежал глазами по строчкам.

Задумчиво вздохнул:

– Хм...

Потом прибавил:

– Ну надо же...

И вновь обратился к радисту:

– Андрей, будь так добр, запусти карту-приложение, которая пришла вместе с этим вот...

– Айн момент.

Топографическая карта южных окрестностей Новогеоргиевска, спроецированная на стену кунга, расцвела новыми деталями.

В частности, шунгитно-черный прямоугольник, очерченный пунктирной линией к северу от шелковой фабрики и подписанный непонятным Растову условным названием «Инженерный замок», заполнился значками, цифирками, иконками фотографий и уточнением: «Радарный комплекс стратегической ПКО».

Наконец Святцев вновь снизошел до Растова.

– Вот гляди, капитан, как интересно получается, – сказал комдив, не отрываясь от карты. – Командование считает, что клоны смонтировали рядом с шелковой фабрикой свой самый главный орган противокосмической обороны. Они выгрузили его в разобранном виде в первый же день высадки и уже на вторые сутки приступили к монтажу. Позавчера были пробные включения – по которым, собственно, его и выявили. Если верить данным, это одновременно и глаз, и ухо... и даже чуточку задница, в смысле чуткий такой...

– Дальнобойный небось? На всю систему? – предположил Растов.

– Да... Как по мне, это проблема нашего флота, а не моя и не твоя. Если флотским этот радар поперек горла, пусть они его и разбомбят... Но это в теории. А на практике главком Пантелеев считает, что это наше, танкистов, дело – его с землей сровнять... Почему он так считает, у меня не спрашивай. – Святцев подпер лоб рукой, закрыл глаза и замолчал.

Образовавшуюся паузу, густую, как цемент, внезапно нарушил начштаба, который все время, что длился разговор, изучал обстановку на своем захваченном, потертом планшете.

– Олег Готлибович, – обратился он к Святцеву по имени-отчеству, – можно попробовать выполнить приказ по уничтожению «Инженерного замка» в форме полковой операции. А именно: контратакуем противника у высоты 74, разворачиваем на ней гаубичный дивизион, а в джунглях – батареею оперативно-тактических ракет Р-30. После чего проводим массированный огневой налет. Как раз на предельную дальность гаубиц.

– Как думаешь, а одним батальоном для захвата высоты обойтись не удастся? – спросил Святцев. – Мы ведь бедны сейчас, как церковные крысы. И в своей бедности даже, скажу тебе, нелепы...

– Вот именно что бедны. Если бы батальон был полнокровный, тогда да. А у нас сейчас любой полк численностью в довоенный батальон...

Растов вдруг понял: пора и ему вставить слово.

– Товарищи, я вчера бой провел как раз в районе высоты 74. Местность знаю как свои пять пальцев. Прошу поставить мою роту на острие удара!

– Снова рветесь в бой? – Начштаба поглядел на Растова удивленно.

– Так точно.

– погоди, капитан, не лезь, – попросил Святцев. И, обращаясь к начштаба, полковник сказал:

– Ну, допустим, полковая операция. Сколько времени потребуется на ее подготовку?

Начштаба поскреб свою блестящую лысину. Покряхтел. И наконец выдал:

– Двое полных суток. Минимум.

– Во-от... А Пантелеев требует, чтобы двадцать часов максимум. Противоречие, да?
Несмотря на запретительный жест Святцева, Растов не смолчал. Его просто распирало:

– Товарищ полковник, так я же вам говорю! Позвольте мне! От шелковой фабрики до «Инженерного замка» – десять минут езды по пересеченке. А я же все уже продумал! Просчитал! У меня все в голове! Я даже о камуфляже уже с техниками договорился! Пройдем вдоль кряжа, освободим пленных на фабрике и без перекуров ударим по замку этому вашему...

– А пупок не надорвется, капитан? – спросил начштаба неприязненно.

– Надорвется – новый купим, – холодно ответил Растов.

По глазам Святцева капитан понял: его услышали, а его план – одобрили.

Глава 4

Что такое «Юнион Джек»

Январь, 2622 г.

Расположение 1-й роты

2-го танкового батальона

Планета Грозный, система Секунда

В родной роте Растова уже дожидался гость – толковый капитан Сечин.

Сечин пил березовый сок из жестяной банки и читал журнал «Спортивные единоборства». Журнал производил впечатление изнасилованного десятками потных и праздных рук.

– Витя?! Вот это да! – обрадовался Растов. – Какими судьбами?!

– Получил прямой приказ комдива. Пойду с тобой в рейд... Если потребуется клонского офицера изобразить, я готов.

– Серьезно, что ли? Вот это удача! Выходит, зря мне Святцев говорил: «Проси кого угодно, только не Сечина». Этого кадра, мол, беречь надо... Ограждать от всех волнений, как беременную.

– Передумал твой Святцев, – вздохнул Сечин.

– А что мрачный такой? В рейд неохота?

– Да это у меня врожденное, Костя. Я перед боем всегда мрачнею, – отмахнулся Сечин.

– Что пишут интересного? – спросил Растов, взглядом указывая на «Спортивные единоборства».

Сделал он это, конечно, для поддержания разговора. У них-то с Сечиным общих тем, кроме бокса, считай, и не было. А теперь вот вместе работать, и притом в экстремальной обстановке. Значит, надо установить нормальный человеческий контакт. По крайней мере, попытаться.

– Пока тебя караулил, про одного супертяжеловеса прочитал. Фамилия у него Бойл, он за Атлантическую директорию выступает... Кличка – Ратлендский Медведь. Семнадцать боев и ни одного поражения. И это за один сезон! Ты посмотри, рожа у него какая дикая, и впрямь медведь. Ни одной человеческой эмоции на лице. Только тупая ярость и желание удавить, сломать, сожрать... Животное в человеческом обличье!

Для иллюстрации своего тезиса про животное Сечин протянул Растову журнал, загнутый на нужной странице.

Огромная, будто кувалдой по лбу ударенная голова хорошо питавшегося пудингами и гамбургерами неандертальца. Маленькие глаза, глядящие на фотографа как на дичь. Необъятная, шире затылка, шея, переходящая в бревновидные мышцы спины и плечевого пояса. Литые мускулы, синие трусы с красными лампасами...

Вдруг Растова как током ударило.

В углу журнальной страницы – вставка: «Биография». Возле вставки – красная снежинка в белой окантовке на синем фоне!

Ну и что?

Да такая же точно, как на танке того клонского аса!

Растов затаил дыхание. Поднес журнал поближе.

«Питер Бойл. Родился в 2594 году в городе Окем, в семье потомственных безработных. Гражданин Атлантической директории. Постоянный участник движения за независимость Англии. На соревнованиях регулярно выходит на ринг с традиционным английским флагом «Юнион Джек», нарушая тем самым закон Атлантической директории «О государственном флаге», за что был неоднократно оштрафован. В последний раз – на 2000 терро».

«Две тысячи терро, – оценил Растов. – Солидная сумма... Особенно там, в Атлантической».

– Скажи, нажористый парень? – Сечин заглянул Растову через плечо.

– Угу... Слушай, а что такое этот «Юнион Джек»? Я как-то не до конца понял.

– Так вот же он, – Сечин ткнул пальцем в красную снежинку на синем фоне. – Давным-давно, лет семьсот назад, когда Англия еще была не частью Атлантической директории, а метрополией агрессивного государства Великобритания, у нее был такой флаг...

– Хм. А у клонов тогда что этот восьмиконечный крест означает?

– По-моему, ничего не означает. Ты же знаешь, что вся их символика вертится вокруг крылатого солнечного диска, олицетворяющего Ахура-Мазду, и семиконечной звезды, означающей семерку благих принципов Амеша-Спэнта.

– Умный ты, Сечин. Небось в разведчики ломился.

– Было дело.

– Ну хорошо, а почему я тогда такой вот «Юнион Джек» на одном «Рахше» видел?

– На «Рахше»? Клонском танке? Ты ничего не путаешь?

– Может, и путаю, – сказал Растов неуверенно, отгоняя видение: стремительный, наглый танк-убийца с красной снежинкой. – Ладно, не до флагов нам сейчас, Витя. Нас дяденька Малько ждет.

Однако танк с красным крестом, этим самым «Юнион Джеком», не шел у Растова из головы.

Пока искали Малько, зампотеха полка, которому было поручено осуществить маскировку транспортеров с танками, Растов обдумывал перипетии вчерашнего боя. Воспоминания накатывали на него как прибой.

«Ну откуда, откуда у этого гада с! Юнион Джеком! такая скорострельность? Вот отстрелял он шесть снарядов из револьвера своего – и должен полминуты помалкивать в тряпочку, пополнять автомат ускоренного заряжания с ленты-транспортера обычного автомата! А он что вместо этого? Сразу перенес огонь – и еще четыре снаряда отстрелял. Это выходит, емкость барабана у него десять снарядов. Так ведь и не десять – больше! Он потом сразу еще два в меня послал... Значит, двенадцать! Ни хрена ж себе! А в «Рахше»-то стандартном один револьверный барабан, на шесть».

Растов в задумчивости остановился перед восьмиосным транспортером, которому в самом ближайшем будущем предстояло, приняв на себя обильный грим, сыграть роль экзотической иностранки по имени «Пусковая установка крылатых ракет «Фаджа» Ответственнойшую роль, между прочим.

«Может, то был не «Рахш»? – размышлял капитан. – А что тогда? У клонов нет такого бронеобъекта, с которым можно «Рахш» спутать. Колдунство какое-то... Не понимаю... А потом этот эпизод с Хлебовым! Если верить шифровке Оберучева, Хлебов выжил. Сидит в плену. Хотя и ранен... Но ранен – не убит. А ведь нормальный «Рахш» нашего брата из пулеметов на молекулы распыляет! Хоронить нечего! Значит, мне не померещилось и этот «Рахш», который с «джеком», из пулеметов не стрелял...».

Растов обошел транспортер, оценивая, какие именно элементы его конструкции, не попавшие под маскировочные щиты, могут показаться клонской жандармерии особо подозрительными. Военные автономера российского образца, это ясно. А вот этот топор? А ведро? А пулемет на круговом поручне над кабиной?

Да, его точно надо снимать, вместе с поручнем. Это на любом русском армейском транспорте пулемет служит неотъемлемой деталью экстерьера – по принципу «лишний ствол в армии не помеха». А в Конкордии все поскромнее. Там пулеметы стекаются на боевую тех-

нику. А всякие там грузовики, транспортеры, бульдозеры, пусковые установки вынуждены для самообороны использовать только стрелковку своих экипажей.

«Что ж, с этим ясно: топор, ведро, пулемет, – заключил Растов. – Да, кстати, о пулеметах! Так почему тот «Рахш» из пулеметов-то не стрелял? Забыл? Патроны кончились? Или милосердие на ашванта накатило, как паровоз на Казанский вокзал?.. Да нет, не в милосердии дело. У них приказ истреблять на поле боя друджвантов ценных армейских профессий, особенно танкистов и вертолетчиков, а приказы они выполняют исправно... Может, стрелок-оператор из пулеметов стрелять просто не мог? Это его мы убили? Но с той стороны башни, где рука в часах висела, у них в «Рахше» наводчик сидит. Что же тогда? Заклин? Перекос? Или? Или... стрелка просто не было?! А если допустить, что его и впрямь не было, тогда что?..»

Растов почувствовал, что нащупал нечто очень, очень важное.

«...А то, что его место могло быть занято! Чем? Каким-то полезным агрегатом! А каким?»

Размышления Растова были неделикатно прерваны зампотехом Малько. Этот коротконогий муж лет сорока пяти, с лицом убежденного однолюба и густым голосом оперного солиста, бежал навстречу, размахивал руками и надривно орал:

– Константин! Костя! На помощь! Грабят!

– Ну что там, гос-споди? – Растов поморщился.

– Костя! Товарищ капитан! Я тут шесть фар ближнего света с щелевыми насадками организовал... Ну чтобы похоже было на клонские машины, как ты просил... У них такой абрис характерный, ни с чем не спутаешь... А они... Они забрать их хотят, мерзавцы! Надо, чтоб ты пошел и сказал им, пока они их не уперли! К себе!

– Кто – они?

– Кто-кто... Шустрилы эти! Разведка дивизионная! Я им говорю так грозно: у меня приказ комдива Святцева! А они беньки на меня вылупили и cedят: ничего, дескать, не знаем, у нас приказ самого Бариева!

Растов оторопел.

– Бариева? Это еще почему?..

– Да потому что он командир «Ивана Калиты»! Субмарины ПКО!

Хотя в итоге Растов и стал офицером-танкистом, но, так уж вышло, срочную службу он отбыл на субмарине противокосмической обороны. Называлась она «Владимир Мономах» и вместе с упомянутым «Иваном Калитой» в те годы обитала в океанах планеты Клара. Потом уже, по неведомым Растову стратегическим соображениям, субмарины перебросили на Грозный. Поэтому он краем глаза Бариева в молодости видал – тогда еще отнюдь не командира лодки, а, кажется, командира БЧ или что-то вроде того...

– А какое он имеет право?! – изумился Растов.

– Вот и я говорю: какое право?! А они: Бариев, дескать, на сегодняшний день старший чин военно-космических сил на Грозном. А стало быть, автоматически считается комендантом планеты со всеми вытекающими.

– Чушь какая-то. Хотя...

– Вот и я им говорю: чушь, хотя... Приказ-то хоть покажите! А они: планшет с приказом утрачен военно-космическим способом!

– В смысле, пролюблен?

– Ну да!.. Врут, короче. Нагло врут! Мерзавцы, я же говорю!

– А я как могу помочь?

– А у тебя авторитет. Как принято говорить, «внеслужебный».

Растов досадливо поморщился. Ох уж ему этот «внеслужебный авторитет»! Как же это, черт возьми, ответственно и утомительно: быть сыном Председателя Совета Обороны, первого лица государства Российского.

Глава 5

Блокпост

Январь, 2622 г.

Автострада Шахты – Новогеоргиевск

Планета Грозный, система Секунда

Покинув джунгли, отряд прошел первый отрезок маршрута строго по графику. Секундная стрелка командирского хронометра совместилась с минутной, только что отмерившей предпоследний час местных суток, ровно тогда, когда буксировочные рымы головного танка ПТ-50 нависли над обочиной автострады Шахты – Новогеоргиевск.

Командир ПТ-50 сержант Николаевский связался с Растовым по защищенному каналу.

– Товарищ капитан! Впереди по шоссе – вражеский блокпост. Дистанция – девятьсот. Вижу троих. Но, возможно, их больше. Прошу указаний...

Растов занервничал. И хотя с самого начала было понятно, что блокпосты будут обязательно, что без них не обойдется, – занервничал неожиданно сильно: застучало сердце, кровь ударила в виски.

Даже если Сечин будет притворяться и лгать идеально (хотя как возможно это «идеально» – он не актер, не гипнотизер, а обычный офицер-связист с задатками боксера), даже если клоны поверят, что Сечин – конкордианский офицер с провинциальной планеты Йама (откуда и акцент!), перегоняющий трофейный танк друджвантов (на башне ПТ-50 был расстелен конкордианский флаг с семиконечной звездой), то уж во что они не поверят никогда – так это что многоколесные машины, едущие вслед за трофейным танком, и в самом деле пусковые установки ракет «Фаджа».

Потому что для этого надо быть слепым маразмизирующим пенсионером.

Трое слепых пенсионеров на блокпосту? Так, пожалуй, не бывает даже в клонских агитках для демонов.

Но и любое промедление здесь, у въезда на автостраду, смерти подобно. Клоны, конечно, уже увидели их в ноктовизоры. Увидели и начали кумекать: а что это еще за ночные гости, про которых никто не предупреждал?

Растов немедленно вызвал Сечина, сидевшего на месте стрелка-оператора ПТ-50, рядом с непревзойденным Николаевским:

– Витя, этот блокпост надо ликвидировать. Чтобы клоны не успели связаться с начальством, бить их следует без лирики: в упор и наверняка. По возможности стрелковым оружием в режиме бесшумной стрельбы. А если в окрестностях еще кто-то замаячит, тоже не церемоньтесь... Вариантов у нас нет.

– Тебя понял. Без лирики – значит, без лирики. – По голосу Сечина Растов догадался: его бывший товарищ по рингу не в восторге от того, что ему, такому смекалистому и башковитому любимцу начальства, поручили грязную мясницкую работу. Ему, аристократу радиоэфира!

Когда ПТ-50 ушел вперед по трассе метров на двести, Растов бросил в рацию, адресуясь водителю транспортера, на который был погружен его родной Т-10:

– Сержант Руссильон! Давайте тихонечко по бетону за головным танком...

Негромко урча на малых оборотах, транспортеры один за другим выбрались на автостраду и тоже покатали на север.

Последними грунтовку покинули два настоящих конкордианских грузовика. Хотя танковая дивизия полковника Святцева и не одержала в боях минувшей недели громких побед (а как их одержишь, победы эти, когда у врага такое численное превосходство?), однако кое-какими штучными трофеями орлы-разведчики разжиться успели.

Грузовики были нужны для эвакуации освобожденных пленных – тех, что томились сейчас на шелковой фабрике. Ну а в колонне фальшивой ракетной батарее они играли роль штатных передвижных мастерских.

Сечин не стал злоупотреблять своим блестящим знанием языка фарси. Да судьба и не соблазняла его к этому...

В стороне блокпоста Растов увидел несколько тусклых вспышек. Затем чуткая внешняя акустика танка передала на наушники будничное тарыхтение пулеметных очередей и похоронный звон рикошетов. И не успел капитан потребовать от Сечина доклад, как осипший от крайнего волнения голос его товарища произнес:

– Приказ выполнен. Но...

– Что «но»?

– Я... ранен в живот... Больно – трындец...

– Серьезно, что ли? – переспросил Растов, хотя было понятно, что шутить с такими темами Сечин не станет. – Обезболивающее срочно коли.

– Уже.

– Пусть Николаевский едет дальше. А ты жди на обочине. Грузовик подберет.

В замыкающем грузовике ехал фельдшер Лучко. Он, как справедливо рассудил Растов, был сейчас единственным человеком, способным оказать Сечину адекватную помощь: остановить кровотечение, перевязать и тэ пэ.

Чтобы как-то поддержать товарища, Растов продолжил говорить:

– Постарайся не упасть в обморок. Думай о хорошем, о боксе. Хотя я понимаю, что это звучит как-то... по-дурацки.

– В живот, да, – невпопад повторил Сечин.

Сразу за этим проклятым блокпостом график начал сыпаться.

Оказалось, что мост через помойную речку Желтуха взорван – то ли своими при отступлении, то ли клонскими бомбами. Пришлось искать объезд.

Объезд нашелся не сразу. Брод был вязкий, неудобный, и перетяжеленные танками транспортеры отчаянно буксовали в желто-сером месиве ила.

Из кустов на эти громкие барахтанья взирали десятки пар настороженных зеленых глаз. То были крупные, но безобидные собачовидные белки, пришедшие на водопой. Но богатое воображение могло принять их за свирепых леомангустов.

Раздосадованный Растов уже был готов отдать приказ своим танкам съехать на грунт, а несчастливые транспортеры бросить, когда наконец повезло: фашины из сухого кустарника легли в точности так, как требовали разгневанные бесцеремонной побудкой речные боги, а запряженные цугом грузовики смогли дотащить упирающийся транспортер до спасительной тверди.

После всех этих отчаянных ерзаний в топкой глине даже скорость двадцать километров в час по грунтовке казалась второй космической.

Экипаж радостно перешучивался.

Чориев рассказывал, как в его родном кишлаке в «таком вот точно арыке» завяз фургон съемочной группы (она снимала исторический сериал «Александр Македонский»). Местные, чтобы его вытащить, запрягли весь коммунальный табун. Причем табун, уже подготовленный для съемок стремительной конной атаки.

– И вот представьте себе! Выхожу я из дедушкиного дома, а он у нас с таким обзором стоит, на горе, и вижу фантастическую картину: мужики в медных шлемах, а лошади – в леопардовых пополах, все впряглись и тянут из грязи фургон с надписью «Кино – в жизнь!». Клянусь тысячей ташкентских девственниц! А рядом с фургоном шесть полуголых красоток, по

виду рабыни в кисейных шароварах, бесплатные советы мужикам дают... Я думал, у меня галлюцинация!

– Жаль, в этот раз коммунального табуна не подвернулось, – отирая пот с чумазого лица, проворчал Субота. – Или, на худой конец, – красоток в шароварах.

Растов подавленно молчал. Он думал о том, что танки, предоставленные самим себе, этот грунтовый объезд преодолели бы в два счета.

Правильно ли они вообще поступили, затеяв весь этот балаган с маскировкой?

Может, надо было просто рискнуть, ничем себя не отяжеляя, и рвануть прямо по пересеченной местности к шелковой фабрике?

Через несколько минут сомнения Растова разрешила сама жизнь.

С головного ПТ-50 передали, что сработали датчики облучения, и сразу вслед за тем в небесах вспыхнули два ослепительных глаза – прожектора вертолета.

– Никто не стреляет! – выкрикнул Растов. – Будем держаться за легенду до упора. Вяжаться в бой всегда успеем.

– Вас поняли, командир.

Вертолет вынюхивал долго – он сопровождал их колонну километров пять.

То ли чуял что-то неладное, то ли просто от скуки...

Капитан лихорадочно составил план на случай, если вертолет захочет с ним связаться. И поспешил сговориться с медленным, по-нехорошему бесшабашным от обезболивающих Сечиным, как именно вести переговоры на фарси...

Однако вынуждать тяжелораненого к работе не пришлось. Вертолет убрался восвояси, а перед колонной открылся вид на ночную долину, где шелестели глянцевыми листьями ухоженные шелковичные деревья с живописными шершавыми стволами.

– Вот бы тютины спелой отведать, – мечтательно причмокнул Субота, в прошлом – простой деревенский парень.

Растов поймал себя на мысли, что от «тютин» он бы сейчас тоже не отказался.

Полчаса после полуночи. Оголтело поют цикады. Сырный бок местной луны по имени Серов киношно рассечен черным силуэтом хищной ночной птицы.

Перед воротами шелковой фабрики с эмблемой Рослегпрома танк Растова притормозил.

– Почему стали? – не понял капитан.

– А вдруг не заперты? – предположил мехвод Фомин.

– Даже если они и не заперты, нам-то что? Мы на танке! А значит – вперед! – скомандовал Растов.

Ворота оказались, конечно, на засове.

Навал бронированного монстра вырвал их из петель, швырнул наземь.

«Сотый», а за ним и другие танки ввалились во внутренний двор фабрики.

Унылый пыльный асфальт, доселе освещенный лишь одним тусклым фонарем, затопил ослепительный свет боевых танковых фар. Вдали прошмыгнула крыса. Еще одна.

Двери, дверки, окна и окошки, цементные пандусы и железные лестницы, трещины, словно паутина, оплетающие старые, с облупившейся штукатуркой, здания...

Окна не освещены.

Двери заперты.

Два тощих сторожевых пса испуганно глядят из своих будок, сколоченных чьей-то неумелой рукой. Даже не лают – остолбенели от вида многотонных железных гостей.

В дальнем конце двора – крошечный грузовичок тонного класса и четыре типовых фургона. По виду совершенно невоенные. Но при этом клонские. Фургоны разрисованы абстрактными золотыми узорами и эмблемами в виде спирали Галактики, перечеркнутой энергичной

красной молнией. А грузовичок ничем не разрисован. Но зато виден его груз: пачки каких-то бумаг.

Растов впился в экраны, на которые проецировалось все, что видели камеры внешнего наблюдения его Т-10.

Ни одной живой души.

Неужели ловушка? Неужели обманула записка? Голубь был поддельный, а настоящий военинженер Оберучев ничегошеньки не писал? И сейчас разом рванут два десятка тяжелых противобортовых мин, расставленных в оконных проемах?..

За те секунды Растов постарел на год.

Но мины не рванули.

И через минуту не рванули.

На самом деле все было проще, чем думал капитан в приливе нездоровых предчувствий.

Клоны, которые охраняли пленных, попросту спали. Включая часовых.

А когда часовые проснулись, то бросились наутек первыми.

Вслед за ними – побежали те, что проснулись чуть позже часовых...

И только съемочная группа «Золотого Канала» Глобального Вещания Великой Конкордии, состоящая из дюжины интеллигентного вида мужчин и скромных красивоглазых женщин, одетых кто в исподнее, а кто в пижаму, сдалась в плен в полном составе.

«Неужели все так просто?» – недоумевал Растов.

– Вот совпадение, да? – радовался Чориев. – Только что про киношников рассказывал... А тут телевизионщики!

– Нашаманил, шайтан, – одобрительно буркнул Субота.

– Где русские пленные? Говори, где находятся русские пленные! – потребовал Растов у мужчины в просторных оранжевых штанах и зеленой майке, который стоял впереди всех, горделиво вывернув назад плечи, выкатив неспортивную грудь и разведя в стороны руки со следами давно прошедшего романа с гантелями – он словно бы хотел закрыть телом своих товарищей, загородить, уберечь. (Растов знал: так обычно ведут себя прирожденные руководители.)

– Они... там! Где-то там! Спят! – дрожа всем телом, сказал мужчина в оранжевых штанах, кивнув на северное здание.

Растов жестом велел Суботе – мол, сходи-ка, разберись, а сам продолжил допрос.

– Где охрана фабрики? Сколько человек охраняет это место? Где посты охраны? – Типовой переводчик «Сигурд» исправно доносил прямые, как рельса, вопросы Растова до иноземной творческой интеллигенции, находящейся в состоянии, близком с обморочному.

– Тут было человек десять... Может, больше... Я не считал. Ночью обычно дежурили трое... Они хорошие люди были, не пехлеваны даже... Многие старше меня... Командир у них, Радхан, хвалился, что пять внуков у него... Вы, пожалуйста, их не убивайте... Все люди – братья.

«Братья оно-то, конечно, братья... Вот только зачем вы тогда войну затеяли?» – Растов нахмурился, но промолчал.

Из сказанного смуглым лидером съемочной группы следовало, что шелковая фабрика серьезной охраны не имела. Если у командира Радхана пятеро внуков, значит, ему наверняка лет шестьдесят... Хороший возраст для адмирала, но, согласимся, не самый подходящий для командира взвода.

Вывод напрашивался сам: фабрику охраняли убежденные седины из резерва второй очереди. Простые операторы машинного доения верблюдов, которых милитаристы из Народного Дивана обрядили в форму и потащили через тысячу парсеков геройствовать, обезумели от страха, завидев первый в жизни русский танк...

Вот и весь секрет быстрой победы.

«Где-то даже обидно для претенциозного командира», – честно отметил Растов.

Глава 6

Одним махом – восьмерых к монахам

Январь, 2622 г.

Шелковая фабрика

Планета Грозный, система Секунда

Тем временем возвратился Субота.

Даже в свете фар было видно, что его простоватое лицо сияет ликованием. Стрелок-оператор победно размахивал руками и неостановимо жестикулировал – по своей дурацкой привычке завсегдажая рок-концертов для подростков из неблагополучных семей.

– Мы победили! Наши спасены! – кричал Субота. – Они там!

– А почему сами не вышли?

– Да одеваются они! Умываются! Ночь же вроде на дворе! Давили спатку!

Вскоре выяснилось, что пленные так умаялись за двенадцатичасовую смену на фабрике, что и впрямь спали без задних ног. И никто из них даже не слышал, как во двор их тюрьмы въехали грохочущие машины-спасители.

Да, пленные действительно работали! Двенадцатичасовую смену!

Но вовсе не потому, что Великой Конкордии вдруг захотелось высокосортного шелка с планеты Грозный – того самого, о котором знатоки отрасли слагали поэмы в прозе. А потому, что дирекция «Золотого Канала» решила: чтобы угодить Народному Дивану, нужно снять цикл репортажей с широким общественно-политическим звучанием. О том, как друджванты, изъятые бриллиантовой рукой Ахура-Мазды из своей упадочнической и паразитической среды, познают радости честного производительного труда на благо дружбы народов. (Бенефициантом таковой подразумевалась знающая толк в прекрасном аристократия Великой Конкордии, для которой-то и понашьют из этого шелка постельного белья, трусов и халатов.)

В репортажах планировалось показать русских танкистов (как раз из роты Растова), потеющих в прожарочном цеху, где коконы шелкопряда подвергаются тепловой обработке, чтобы в них издохли личинки. Вчерашних пехотинцев, которые, отмывшись и отъевшись, надели чистые комбинезоны и помогают роботам отквашивать коконы. Самоуглубленных медичек, прилаживающих подготовленные коконы на разматывальные станки. Крупным планом – подетски милое личико в веснушках и две рыжие косы, спускающиеся на плечи из-под белой косынки...

– Мы шли на шедевр! Мне нравился буквально каждый кадр! – с фирменной клонской страстностью вещал руководитель съемочной группы, теперь Растов зачем-то знал, что его зовут Дихр. – У русских моделей такие выразительные лица! В них столько духовности, столько связи с Небом! – Дихр мечтательно закатывал глаза.

– А что с ранеными? – почти не слушая болтовню Дихра, спросил Растов у Суботы.

– Сказали, один скончался еще вчера. Но двое других чувствуют себя боль-мень... Сейчас их принесут на носилках, я уже распорядился.

– Как фамилия... скончавшегося?

– Кажется, Дужкин... Или Дугин.

Несмотря на то, что новость была печальной, Растов вздохнул с облегчением. Главное, что не Хлебов.

Вскоре во двор потянулись спасенные.

Первыми высыпали семь пехотинцев во главе со старшим лейтенантом. Ни одного из них Растов не знал.

Старлей подошел к нему, отдал честь и представился:

– Старший лейтенант Танич, 57-й отдельный охранный батальон. Защищали спецобъект в Шахтах. Были атакованы танками противника, попали в плен.

– Давно? – спросил Растов.

– Дней пять уже... Сразу начали готовить побег! – поспешно добавил старлей, которому в глазах капитана-танкиста почудился незаданный вопрос. – А потом клоны привели пленного инженера Оберучева, он был знаком накоротке с дирекцией завода. Именно Оберучев навел меня на мысль о почтовых голубях и составил шифрованную записку... Представляете? У него, оказывается, фотографическая память! Шифрует что угодно на лету! Говорить шифром может!

– Внушает.

– Нам с Оберучевым удалось отправить трех птиц. Вы наше послание получали?

– Получили одно. Благодаря ему мы здесь.

Старлей просиял.

– Ну слава богу!

– Не то слово... Слушайте, старлей, а куда подевалась охрана?

Танич пожал плечами.

– Похоже, разбежались... Все до последнего гаврика. – На лице пехотинца не было и тени удивления, словно Танич не сомневался: в аналогичных обстоятельствах он лично поступил бы так же.

Растов поглядел на часы и с ужасом обнаружил, что прошло уже целых девять минут, а освобожденные пленники до сих пор не заняли места в грузовиках.

Это наполнило его сердце тревогой. Какой бы трусливой ни была охрана из резерва второй очереди, она наверняка попыталась вызвать подмогу. Другой вопрос – удалось ли ей это?

Ведь недаром они взяли с собой разведывательный танк ПТ-50! Нужен он был потому, что данная модификация, ПТ-50ИНБ, несла помимо нескольких полезных разведустройств еще и станцию инфоборьбы малого радиуса действия «Шут». Благодаря «Шуту» танк уверенно глушил радиоуправление фугасов и противобортовых мин, а заодно забивал в радиусе километра любые носимые средства связи.

Соответственно, можно было надеяться, что разбежавшиеся клонские охранники орут в свои рации и телефоны безо всякой пользы.

И все-таки Растов не считал возможным всецело полагаться на успехи «Шута». Командир всегда должен действовать с оглядкой на худший вариант развития событий. А что, если сейчас появятся вертолеты-штурмовики и начнется кошмарный кошмар, который Субота описывал вульгарной триадой «ад-жопа-сатана»?

– Эй, товарищи, в грузовики! Кто будет копать, того оставим здесь, лифчики для заотаров прясть...

Слова Растова не произвели того ошеломительного впечатления и пятикратного ускорения, на которое он рассчитывал.

– Что неясно?! Быстро грузимся в машины, не спим!!! – громовым голосом повторил приказ Растова исполнительный старлей Танич, как видно истосковавшийся по командирским обертонам.

Растов хотел вернуться в свой танк, чтобы бросить взгляд на тактический экран, но тут же был атакован двумя чудо-богатырями Российской Директории.

Слева к нему бросился комвзвода-2 Валера Загорянин с ворохом каких-то оранжевых бумажек в руке, справа – сержант Николаевский, которого сопровождал еще один танкист-разведчик, подгоняющий ударами в спину ссутулившуюся фигуру с мешком на голове.

Соблюдая армейскую иерархию, Растов первым одарил своим вниманием Загорянина – тот был все-таки офицером.

– Вот, погляди. – Комвзвода протянул Растову одну из бумажек. – Х-художники... – И Загорянин многоступенчато выругался.

Это была листовка. Клонская пропагандистская листовка, предназначенная к распространению в стане врага, то есть среди бойцов российской 4-й танковой дивизии.

Заголовок, сочетающий фальшивый задор с некой трудноуловимой нерусскостью, заставил Растова криво ухмыльнуться:

ОДНИМ МАХОМ – ВОСЬМЕРЫХ К МОНАХАМ!

В центре листа был помещен хотя и утрированный, но вполне узнаваемый танк «Рахш» с «Юнион Джеком» на башне.

«Рахш» заливал все пространство листовки потоком снарядов, хлещущим из его орудия с пулеметной частотой.

Клонский танк был окружен восемью «тэ десятими». Пять русских танков на рисунке уже были превращены в горящие груды металлолома. Шестой только что получил попадание и разлетелся на куски. Еще одному снаряд стукнул в башню и высек искры, но (величие микросекунды!) еще не взорвался...

Ну а восьмой русский танк, мультипликационно изогнувшись и как бы оглядываясь через плечо развернутой на корму башней, всюду улепетывал за край листовки.

На танке крупными цифрами был выведен номер: 100.

Его, Растова, командирский номер. Сотка.

Под рисунком было подписано: **МАСТЕР НАГ СТОИТ РУССКОЙ РОТЫ.**

Капитан побелел от ярости. Но все-таки ни один мускул не дрогнул в его лице, и он заставил себя изучить листовку полностью, включая мелкий шрифт.

«Бойцы и командиры!

Война для России проиграна. Ваш флот разбит, ваши дивизии истекают кровью.

Эта листовка – пропуск в счастье.

Сдавайтесь победоносным войскам Великой Конкордии!

Мы гарантируем жизнь, питание и возвращение домой после окончательной победы Благой Веры».

– Товарищ капитан, языка поймал, – сказал Николаевский, устав дожидаться, когда Растов обратит на него внимание.

Капитан оторвался от листовки и поглядел на сержанта и его добычу. Только тогда Николаевский эффектным жестом фокусника сорвал с головы пленного мешок.

Вот так, на расстоянии вытянутой руки, Растов видел военнослужащего Великой Конкордии первый раз в жизни. И не мог не признать, что враг производит в целом благоприятное впечатление. Статный, седой, с ясным прямым взглядом. Униформа в образцовом порядке, ремни плотно пригнаны, сапоги – тщательно вычищены. (Точнее сказать, видно, что они были тщательно вычищены – до того как боец попытался спрятаться в шелкокрасочном цеху.)

И это при том, что перед ним сейчас стоял явно не пехлеван (то есть не кадровый офицер), а со всей определенностью резервист. То ли высокочлассный токарь из касты демонов, то ли городской интеллигент из касты энтли.

Оказалось – второе.

– Капрал Павир, – представился конкордианец. – Школьный учитель истории, город Севашта, планета Вэтрагна.

Но Растову, сжимающему в руках мерзкую глумливую листовку, все это было безынтересно. Его волновал один, лишь один вопрос.

– Кто такой Мастер Наг?

– Простите?

Растов сделал шаг и буквально ткнул носом Павира в листовку.

– Кто. Такой. Мастер. Наг, – повторил он.

– А! Знаю! Знаю! – Павир радостно закивал. Чувствовалось, что он больше всего боится чем-то не угодить страшному русскому танкисту. – Это танкист. Наш, благоверный... то есть, я хочу сказать, конкордианский. Большой геро... то есть знаток своего дела... Его полное имя – Нахогаран Льюис Тентакл.

– ...Льюис Тентакл?

– Да-да, он откуда-то с Земли! Семь лет назад сам пришел к Благой Вере! Перебрался к нам! А имя Нахогаран взял в честь великого полководца Сасанидской Персии. Который в шестом веке по вашему летоисчислению нанес ряд тяжелых поражений ромейской армии...

– Он учитель истории, – словно бы извиняясь перед Растовым за эрудицию своего пленника, пояснил сержант Николаевский.

– Это я уже слышал, – отмахнулся Растов.

«Нахогаран... Родом с Земли... Какой-то, б. дь, Тентакл. Ну и бред!.. С другой стороны, нарочно такое не придумаешь. Так что придется поверить».

В любом случае продолжать допрос было некогда, срочно требовалось навести порядок в танковых войсках.

– Этого грузите вместе с нашими, – распорядился Растов, указав на Павира. – И, старлей, – он обернулся к Таничу, – не спускайте с него глаз.

– Можете на меня рассчитывать.

– Ну а что с листовками? – спросил Загорянин. – Их там полный кузов!

С этими словами комвзвода указал на маленький полутонный грузовичок, который столь разительно отличался от своих соседей по стоянке, огромных фургонов телевизионщиков.

– Сжечь, – отрезал Растов.

– Демаскируемся, однако.

– Разумно. Тогда... утопить.

– Где?

– Ну подыщи там чаны подходящие. В цехах. Должны же быть. Только быстро.

Тем временем из чанного цеха выходили самые сонные засони.

Последними показались две молодые девушки: высокая брюнетка с длинными, ниже ягодиц, распущенными волосами, и коренастая пышечка с толстыми, как канаты, рыжими косами, которые она, по-видимому, не расплетала даже на ночь.

Одеты девушки были с прощительной для времени суток небрежностью. На ногах у обеих болталась просторная обувь работниц горячего цеха, что-то вроде валенок.

– А где третья ваша подружка, красotka... кудрявая такая... Нина? – приосанившись, спросил Танич у девушек, которые с трогательной подслеповатостью недоспавших жались друг к другу.

– Так увез же ее ирод этот... как его... – Брюнетка замялась.

– Кави-усан, – подсказала вторая, рыжая.

– Какой еще «усан»? – не понял Танич.

– Да заотар этот... блаженный... Кави-усан его зовут... Вначале два дня тут на фабрике за Нинкой нашей шпионил, проходу бедняжке не давал. Служебным своим, заотарским, положением всю злоупотреблял! А потом предложение ей сделал. Замуж, значит, выходить. На третий-то день, это нормальный человек или что? – По уничижительной гримаске на лице рыжей было ясно, что она лично такого человека нормальным не считает. – А вечером, прямо перед отбоем, вообще учудил. Пришел в нашу коморку, силой уволок Нину и сказал, мол, нравится

ей или нет, но она его женой станет, потому как они предназначены друг другу самим небом. Небом! Так и сказал! И что он повезет ее к священному огню, который в Молибденовых горах, и там, в передвижном храме, с нею... так сказать, обвенчается, или что у них там по религии.

– Прямо ночью обвенчается? – уточнил Танич не без цинизма.

– А кто их разберет? Может, ночью. А может, и на заре. Я по визору видела, они любят утром всякие церемонии затевать... По холодку.

Все это Растов слушал безучастно. Но все же слушал. Словно бы какая-то таинственная сила внутри его заставляла эти вещи в сознании складировать.

И, вероятно, именно эта сила подтолкнула капитана задать девушкам вопрос.

– Погодите, барышни... А как фамилия этой вашей Нины?

– Фамилия? – Рыженькая поглядела на брюнетку, словно та обязана была знать точный ответ.

Брюнетка приложила два пальца к виску, в задумчивости опустила взгляд и наконец выдала:

– Чудная такая фамилия... Беленькая? Или Белочкина?

В душе Растова оборвалось струна.

– Белкина? Нина Белкина? – Еле слышно спросил он, с трудом сохраняя самообладание.

– Ой, а вы ее знаете даже? – Рыженькая просияла с видом счастливой сплетницы, надолго обеспеченной «материалом». – Надо же, какие совпадения интересные!

Растов едва совладал с собой.

«Совпадения интересные... Да они не интересные, они жуткие! Ну почему из трех привлекательных незамужних девиц этот фигляр выбрал Нину?! Почему не эту егозу с рыжими косами и кошачьим носиком?! Почему не ее подругу? На что вообще ему сдалась замкнутая, холодная и злоязыкая военюрист Белкина?! Ведь она вряд ли стала бы с ним кокетничать и делать ему знаки! От Нины такого не дождешься... Уж мне-то известно!»

Но Растов сам знал ответы на свои риторические вопросы. Заотар выбрал Нину потому, что она лучшая из трех. А может, и не из трех. А из трех миллионов. Такую удобно любить. Легко.

Несмотря на ошеломляющую новость, приходилось признать, что помочь Нине он ничем не может...

Или все же может? Сможет «во благовремении», как писали в старинных романах?.. Ведь надежда умирает последней!

– Хотелось бы знать, – осторожно спросил Растов, еще сам не веря собственной дерзости, – где тот священный огонь, куда заотар Нину повез?

Старлей Танич, как оказалось, знал:

– Я, конечно, не копенгаген насчет всяких огней. Но рядом с тем объектом, который мы охраняли, место одно было туристическое. Называлось оно Пещера Дракона... Там на поверхность выходит газ силан. Газ этот самовозгорается от контакта с атмосферным воздухом. Нашим на такие дива традиционно с прибором положить, разве что детей из средних школ туда возили, дескать, любите и знайте родной край... А клоны вне зависимости от возраста балдеют. Как увидели – впали в пафос. Дескать, священный огонь! Земля порождает пламя! Прекрасный и величественный символ! Я думаю, туда-то заотар на своем храмовом тарантасе с Ниной и поперся...

– На каком еще тарантасе?

– Ну, он же заотар. – Танич зачем-то понизил голос, будто планировал сообщить нечто интимное. – У него есть персональный передвижной храм. Чтобы удобнее было окормлять духовно удаленные гарнизоны.

Растов кивнул. Дескать, «суду все ясно». Хотя ясно как раз ему было только одно: пора с шелковой фабрики уезжать. Быстро-быстро.

– Па-а-а машинам! – что было легких выкрикнул он.

Когда Растов оказался на своем командирском месте под успокоительными сводами брони, ледяные тиски, которые сжали его сердце при известии о похищении Нины этим душевнобольным заотаром, чуточку отпустили. И отчаяние уступило место жажде деятельности, жажде боя, жажде высшей справедливости.

– Внимание, здесь «сотый», – сказал капитан в рацию. – Николаевский! Ты с обоими грузовиками уходишь обратно. По шоссе больше не двигайтесь. Пересечете его – и дальше по грунтовкам. Полная светомаскировка, ИК-фары тоже не включайте, идите только по пассивным ноктовизорам. Уверен, рассвет встретите уже в лесу... И – ни пуха тебе, ни пера!

– Здесь Николаевский, вас понял, выполняю, – немедленно отозвался сержант. – И к черту, товарищ капитан.

– Остальные вместе со мной атакуют «Инженерный замок». Атакуют немедленно.

Глава 7

«Инженерный замок» и его инженеры

Январь, 2622 г.

«Инженерный замок»

Планета Грозный, система Секунда

– Кстати, а почему эта хрень называется «Инженерный замок»? – полюбопытствовал обычно молчаливый Фомин. – У меня в детстве календарь был, голографический. «Виды Северной столицы» назывался. Там на месяце, кажется, апреле как раз Инженерный замок был. Ответственно заявляю: этот железный лес на него не похож. Вообще ничем!

– Его не за сходство назвали, – отмахнулся Растов. – Я у начштаба спрашивал, почему «Инженерный замок». Тот сказал: разведка назвала. Мол, инженеров как мух на говне. С перебором.

Теперь предстояло сделать то, ради чего полковник Святцев послал их сюда.

Как и было оговорено, они передали условный сигнал на КП дивизии тремя независимыми способами.

Во-первых, командир каждого танка отправил в эфир кодовую фразу:

«ПРИСТУПАЕМ К ОБРЕЗКЕ САДА!»

Во-вторых, Растов, который для лучшего владения ситуацией сидел в командирской башенке, старомодно высунувшись из люка по пояс, как его далекий пращур на улицах освобожденной Праги, вскинул сигнальную ракетницу. В небе повисла гроздь несъедобных малиновых виноградин.

И, наконец, «двести первый» – танк комзвода-2 – запустил из правого башенного контейнера зонд-ретранслятор, через который тоже ушло кодированное сообщение полковнику Святцеву.

Тотчас русские танки вышвырнули из-под гусениц комья земли и ринулись вперед, к быстросборной решетчатой ограде с колючей проволокой-концертино поверху.

В ослепительном свете боевых фар было видно, что там, за оградой, трава выгорела в ноль. Именно в ноль, а не так, как при случайном степном пожаре, когда остаются нетронутые островки. Точно все окрестности радара ПКО проутюжили раскаленным добела исполинским утюгом.

Чтобы не попасть под дружественный огонь, танки рывком остановились перед оградой, как и было предусмотрено планом.

Растов огляделся.

Глухую черноту над головой одна за другой прочертили лихие ракетные траектории.

Шесть оперативно-тактических ракет Р-30 были выпущены прямо из джунглей в специально подготовленные просветы между кронами. (Серьезной операции в районе высоты 74 было решено не проводить и гаубичные дивизионы не задействовать, но на ракеты Святцев все-таки расщедрился.)

Конечно, никто не рассчитывал всерьез, что удастся уничтожить шестеркой устаревших Р-30 превосходно прикрытый средствами ПКО «Инженерный замок». Но пока зенитные самоходки «Рату» и прочая машинерия будут работать по ста двадцати боевым блокам индивидуального наведения, сыплющимся из ночного неба злым звездопадом, танки Растова получают трехминутную и, хотелось верить, решающую фору.

«Но все же, на кой черт они сожгли степь вокруг своего радара?» – подумал капитан. Как оказалось, подумал вслух – ему ответили.

– Может, такая контрольно-следовая полоса? – предположил Субота. – Рота охраны потрудилась огнеметами?

– Хороша полоса! Ветер подует – и ни одного следа, все пеплом замело, – скептически заметил Фомин.

– Вы вообще соображаете? – встрял Чориев. – Это же радар! Дальней! Противокосмической! Обороны! Он страшно мощный, не зря там инженеров как мух на ишаке! Даже замком обозвали... Они его включили, дали для теста полную мощность – вот излучение всю траву и спалило! Вместе со всеми букашками и червячками, клянусь тысячей ташкентских девственниц!

– А ты умный, Чориев, – одобительно сказал Субота.

– Я вообще связистом собирался стать, в академию готовился. Не поступил, конечно... Баллов недобрал на собеседовании... А может, это потому, что я русский только по матери. А по отцу не совсем... Но сейчас это все равно. Не жалею.

Десятки мегаватт, исторгнутые зенитными лазерами «Рату», превратили первую волну боевых блоков в ослепительно сияющие шары плазмы, и ночь ненадолго стала днем.

Равнину залил недобрый колеблющийся свет, отдаленно похожий на северное сияние. И если до сего мгновения «Инженерный замок» рисовался на тактических экранах в условных цветах и размытых силуэтах, то теперь Растов увидел чудо конкордианской военной мысли невооруженным взглядом.

Четыре линии ажурных металлических мачт расходились веером от общего центра, в котором возвышалась причудливая двадцатиметровая пирамида с вогнутыми гранями, залитая матово-черной радиопоглощающей лакировкой. На вершине пирамиды серебрился излучатель, похожий на очищенный кукурузный початок.

Вид все это имело самый отталкивающий.

– Наша цель – пирамида! – скомандовал Растов. – Бьем кумулятивными, а там посмотрим...

– Так точно!

Учитывая впечатляющую дальность 140-мм танковых пушек, им ничто не мешало расстрелять цель огнем с места.

Однако каждого русского офицера-танкиста с первых дней кадетства учат, что успех бронетанковых войск зиждется на триаде «маневр – огонь – защита».

И не даром «маневр» поставлен в этой формуле на первое место! Ведь непоражаемость танка пропорциональна квадрату его скорости. А в том, что после первого же выстрела по сердцу «Инженерного замка» на них будут направлены десятки стволов, Растов не сомневался...

Поэтому, как только Чориев угостил супостата первыми тремя снарядами, Фомин, повиная своему чутью, бросил танк вперед.

Разбив бронированной грудью решетчатый забор, танк помчался по черному праху. Пепел сожженных трав и птичьих гнезд шарфом черной кисеи полетел ему вслед.

За машиной своего командира устремились «двести первый» комвзвода Загорянина и «двести второй» с медно-красными шишками диспенсеров групповой противолазерной защиты на месте командирского пулемета.

Грохот поднялся такой, будто одновременно с десятибалльным землетрясением и внезапно разбушевавшейся грозой начала извергаться пара-тройка доселе спящих вулканов...

Танк несся вперед, плавно раскачиваясь на мощных торсионах.

Жужжали гироскопы системы стабилизации вооружения, мерно позвякивал досылатель и один за другим уносились по пологой траектории снаряды – высадив серию кумулятивных, они перешли на старые добрые «фугасы».

Растов вдруг вспомнил свои первые учения в Харькове. Там, на Чугуевском полигоне, он самым позорным образом завалил задание, зловеще похожее на это: ведение беглого огня в движении при атаке опорного пункта противника.

Почему завалил? Растов сам не понимал. Может, потому что на учениях он всегда помнил, по-нехорошему отчетливо помнил, что «учения» – это не война, это не всерьез, а оттого и сконцентрироваться всерьез у него не получалось.

Выходит, только поэтому завалил?

Или не только?

Или безалаберность, нечеткость и привычка полагаться на русский «авось» на самом деле с серьезностью или несерьезностью происходящего связаны меньше, чем хотелось бы танковым офицерам?

Но искать ответы на эти важные вопросы у Растова не было времени. Теперь требовалось просто учесть горькие уроки того далекого дня на Чугуевском полигоне и не схлопотать в борт увесистый вражеский гостинец. Тем более что в отличие от полигонных условий он будет совсем не похож на мягкую жестянку с маркерной краской.

Растов вел танк неравномерной змейкой.

– Фомин, лево двадцать...

– Есть лево двадцать!

«Раз... два... – считал Растов, – десять... одиннадцать... Пора!»

– Фомин, право сорок!

– Есть право сорок!

И снова отсчет.

«Раз... Два... Три... Девять! Пора!»

– Фомин, лево тридцать!

Когда до залитой огнем, испещренной пробоинами пирамиды аппаратной оставалось восемь сотен метров и стало уже совершенно ясно, что в ближайшие месяцы этот радар вряд ли засечет даже Первый Ударный флот в сомкнутом парадном строю, Растов услышал восторженный вопль командира «двести второго».

– Идрить твою налево! Ну и разделали! Жаль, заснять толком не удалось, внукам бы показывал...

А вот голос комвзвода-2, лейтенанта Загорянина, был исполнен озабоченности:

– Товарищ Растов, Костя! Что-то зарвались мы!.. Поворачивать, поворачивать пора!

– Отставить «поворачивать»! – не согласился Растов. – Подставим корму – и, считай, пали смертью храбрых!

– Твое предложение?

– Пройдем между рядами антенн и уже там нырнем в лощинку!

Подтверждая правоту Растова, из-за пылающей пирамиды показались несколько зенитных самоходок «Рату». Они ворочали лазерпушками необычайно быстро и ловили русские танки в прицел с проворством кошмарных сновидений.

Диспенсеры групповой противолазерной защиты на «двести втором» пыхтели вовсю. Но зловредные пучки когерентного излучения выедали дыру за дырой в охранительном металлизированном тумане, оставляя на лобовой броне башен раскаленные оспины глубиной в кулак. Придись те же импульсы на тонкую кормовую броню, и их песенка была бы спета...

– Товарищ капитан! – Голос командира «двести второго» дрогнул. – У меня заканчивается расходка для диспенсера!

– Запас есть?

– Откуда?

– Почему не взяли в подвесной бак?! – злобно осведомился Растов.

– Взяли. Но тоже выработали!

– Ч-чер-рт! – Растов ударил кулаком о ладонь, чтобы хоть так сбросить накопившееся в мышцах дурное напряжение. – Сколько осталось?

– Четырнадцать процентов!.. Нет, тринадцать.

– Товарищ Константин, – это был невеселый баритон Валеры Загорянина, – принял решение отвлечь огонь противника на себя. Продолжу бой с зенитками самостоятельно. А вы уходите обратно к шелковой фабрике. Хлебову от меня персональный привет... Пусть живет.

Сердце Растова громко застучало. Пора было принимать решение. Трудное решение.

Сказать Загорянину: «Так не пойдет, следуй за мной»? Он все равно не послушается! Он знал Валеру. Сорвиголову в погонах. Упрямый как баран. Переубедить его в такой обстановке невозможно... Как, впрочем, невозможно и в любой другой.

Поступить наоборот («Я остаюсь с тобой, вместе примем бой с превосходящими силами противника!») Растов тоже не мог. Это означало предать Нину, судьба которой занимала все больше драгоценного места в его мыслях, понемногу грозя вытеснить мысли о чем-либо ином. Мало ли что этот клонский маньяк сейчас с Ниной делает? Страшно даже подумать! А что, если в зороастризме есть человеческие жертвоприношения? А что, если этот заотар думает, что они есть?

Но не поедет же он спасать Нину к этой самой Пещере Дракона вместе со всеми своими чудо-богатырями! Глупо это как-то... Да что «глупо»! Преступно! Чем больше танков прикроют отход грузовиков с освобожденными пленными, тем надежнее выйдет спасение.

– Утверждаю твоё решение, Валера, – сказал Растов. – Горжусь тобой и твоим экипажем... «Двести второму» – сопровождать меня!

При этих словах Растова мехвод резко свернул вправо и, протаранив стену из пустых канистр, понесся по аллее между двумя рядами ажурных антенн.

Впереди отчаянно метались полуодетые клоны – вероятно, те самые «инженеры». Субота, не дожидаясь особых указаний, хладнокровно полил пляшущих человечков из обоих пулеметов.

Как видел Растов на камере заднего обзора, «двести второй» смог кое-как повторить его маневр, хотя с пушкой у него творилось что-то неладное. Она фантастическим образом искривилась, точно была изготовлена не из стали, а из пластилина.

Как Растов и рассчитывал, командиры клонских самоходок, поставленные охранять «Инженерный замок», испытывали перед конструкциями мудреного радара ПКО мистическое благоговение дикарей, не знающих огня и презерватива.

Поэтому, пока два танка неслись сквозь лес антенн, в них почти не стреляли, боялись повредить казенную чудо-технику.

Зато когда они, пробив забор, покатили по степи, клоны смогли отвести душу и садили в них, как в последний раз.

Вероятней всего, если б «Рату» отважились пойти за русскими танками на полной скорости, они в конце концов подстрелили бы оба. Однако «тэ десятый» Растова на отходе вел огонь из развернутого на корму орудия. После того как особо обнаглевшая «Рату» получила меткое попадание и потеряла башню, клоны умили свой пыл и перешли на стрельбу с места.

И все равно никто не знает, чем бы эта авантюра закончилась, если б не высохшая старица реки Желтухи.

Растовская «сотка» и «двести второй» нырнули в камышовый океан. Вокруг танков сгустились предрассветные сумерки.

«Рату» помедлили с полминуты, а потом открыли огонь наугад. Они подожгли камыши за кормой и впереди по курсу, однако попасть по русским танкам не могли даже случайно: оба Т-10 находились теперь ниже линии огня, а фотоны по баллистической не летают.

До холмов, предваряющих сланцевые нагромождения Молибденового кряжа, было уже рукой подать.

«Что угодно – только не вертолеты... Господи, пожалуйста, не вертолеты, не вертолеты!» – молился-твердил Растов.

Глава 8

Женишок

Январь, 2622 г.

Пещера Дракона

Планета Грозный, система Секунда

За километр до начала подъема Растов отослал «двести второй» на запад, строго наказав командиру экипажа нагнать грузовики с пленными и эскортировать их до самого расположения дивизии. Конечно, с поврежденной пушкой танк не представлял собой полноценной боевой единицы, но все-таки два пулемета и навесные контейнеры – один с «Антоном», другой с четырьмя зенитными ракетами – еще могли сказать свое слово в ближнем бою.

Наверх к туристической достопримечательности под названием «Пещера Дракона» (на военной карте стоял прозаический значок «глубокая яма») вела неожиданно широкая асфальтированная дорога.

Поскольку смотреть в окрестностях Новогеоргиевска было особо нечего (добренские инопланетяне на Грозном статуй не наставили и саркофагов не наплодили), отделу народного образования местного муниципалитета ничего больше не оставалось, как вкладывать бюджетные средства в раскрутку этого чуда природы. А потом бесконечными автобусными колоннами таскать туда школьников от семи до тринадцати под присмотром позевывающих в кулак учителей...

– Мужики, я понимаю: драконы настраивают на былинный лад. И все же не теряем бдительности! Тут такая дорога, что не видно ни черта. От любого соловья-разбойника с гранатометом нам каюк может прийти.

– А что «бдительность», командир? Есть она – неприятности случаются. И нет ее – тоже неприятности случаются, – заметил Чориев, философски щуря раскосые глаза.

– Этак ты мне всю воинскую дисциплину на хрен сведешь, – буркнул Растов, хотя в глубине души был с Чориевым солидарен.

Дорога заканчивалась обширной парковкой, щедро усыпанной катафотами. Вокруг нее желтели заброшенные клумбы, поросшие мумиями чернобривцев и сальвий. Чуть дальше, подбоченясь дизайнерскими подпорками кораллового цвета, стоял кафетерий.

Справа от него – туалет. Еще десять шагов в сторону восхода – бетонная скульптура, изображающая доброжелательного спинозавра в нашейном платке и солнцезащитных очках. Это чтобы детям было с чем сфотографироваться.

Под спинозавром соборно глядела в звездное небо иссушенными жерлами дюжина пересохших фонтанчиков с питьевой водой.

От кафетерия резко вверх уходила широкая каменная лестница, над которой флуоресцировала стрелка-указатель: «В пещеру». Она дублировалась своей увеличенной сестрой: «К лифту и обзорной площадке».

Но все это не заинтересовало Растова.

Его вниманием всецело владел надежно захваченный прицелом и прошупываемый двумя лазерными дальномерами старый автобус совершенно нешкольного и нерусского вида.

Автобус стоял поперек пяти парковочных мест. Был он несуразный, громоздкий и жалкий даже по спартанским меркам до маниакальности бережливых клонов. Одно из его окон было забрано фанерой и заклеено по периметру липкой лентой.

Что ж... Это и был передвижной храм, Растов узнал его.

Именно такие выгружались из клонских танкодесантных кораблей вместе с первым эшелоном десанта – и здесь, на Грозном, и на далекой Кларе, на Лючии и Екатерине. После уста-

новления более-менее надежной оккупации заотары ездили на своих автобусах в удаленные гарнизоны, чтобы там поднимать политморсос, совершать свои выморочные ритуалы, читать выпретенные стихи...

Вдруг водительская дверь автобуса распахнулась и на асфальт соскочил лысый гориллообразный молодец в форме рядового.

Он энергично размахивал руками-бревнами. По всей вероятности, принял бронированных гостей за своих.

«Странно, конечно, что обознался... Неужели настолько неопытный? Впрочем, что с него возьмешь: дем, получеловек... Да еще в денщиках у заотара! Должность, не способствующая житейской адекватности и скорости реакции».

Субота, не дожидаясь специального указания Растова, сразу же прошил водителя очереди из крупнокалиберного.

Смерть наступила мгновенно. Безымянный дем рухнул наземь, раскинув мускулистые руки-бревна, словно лодка весла.

Это убийство могло показаться бессмысленно жестоким только гражданскому человеку, голова которого наполнена карамельными пацифистскими грезами. Растов же знал: в ухе убитого – радиогарнитура. Позвать на подмогу он может одним движением. А учитывая, что с ними больше не было танка ПТ-50 с его великолепной глушилкой...

Но капитан все равно был недоволен. Грязно сработали!

Раскатистое эхо пулеметной очереди разбудило, казалось, всех птиц Молибденового кряжа. Теперь они метались в неумолимо сереющих небесах с тревожными обвиняющими криками.

– Больше без моего приказа не стреляем, – глухо потребовал Растов. – Можем зацепить Нину.

– А где она вообще?

– Надо искать.

– Наверное, вверх по лестнице пошли, – предположил Чориев.

– Вот это мы сейчас с тобой и проверим. Прихвати «Алтай» и айда за мной...

– А мы? – спросил Субота обиженно. Ему страсть как хотелось поглазеть на Пещеру Дракона.

– А вы – согласно боевому расписанию. – Растов не стал потакать.

После уютной утробы Т-10 предрассветный воздух оказался неожиданно холодным. Но Растов не роптал. Напротив – наслаждался каждым касанием ветра.

«Вот не было бы заотара и Нины, не было бы войны... – думал Растов. – Сказал бы сейчас своим: старшим назначаю Фомина, езжайте домой без меня! А сам флягу с водой на пояс и – на вершину, козьими тропами. Чтобы там, сидя на яйле в опьянении мышечной усталости, глядеть на все со спокойной радостью человека, который знает, что в жизни важно, а что – шелуха...»

А вот Чориев, хоть и вырос в горах, не уставал роптать. Мол, холодина космическая, горы опасные, ногу чуть не подвернул, и хищных зверей небось полно...

Когда до Пещеры Дракона оставалась какая-то сотня ступеней, Растов услышал надсадные крики.

– Помогите! Кто-нибудь! Помогите! – кричала женщина на чистейшем русском языке.

И странное дело! То ли из-за выкрутасов акустики, то ли от нервного возбуждения Растов не смог определить: это кричит Нина или другая особа? При нем ведь Нина никогда не кричала. Она вообще говорила тихо – как и многие, кому в жизни пришлось много вытерпеть.

Растов вынул из кобуры пистолет «АПТ» и, перескакивая через три ступени, понесся вверх.

За ним, проклиная долю подневольного санчопансы, поковылял Чориев.

Кави-усана Растов увидел сразу же. Тот стоял у края парапета, ограждающего скальный провал, который, собственно, и именовался Пещерой Дракона.

Заотар уже успел раскрыть походный столик. Успел застелить его белой скатертью и аккуратно расставить на нем культовую утварь неведомого Растову назначения: медный кувшин с водой, плотный пучок свежих розовых гвоздик, которые пахли нестерпимо, несколько неряшливых желтых свечей из верблюжьего жира, курительницу для благовоний.

Белое со струистым золотым шитьем одеяние заотара тоже было подготовлено, свисало с края стола. Но надевать его Кави-усан не спешил. Может, боялся запачкать?

На заотаре были обычные армейские штаны, которые облегали его тощие чресла довольно скверно, и несвежая рубашка, нижний край которой сзади выбился из-за пояса.

На вид Кави-усану было лет тридцать. Но Растов понимал: перед ним заотар, а значит, субчику могло быть и сорок, и двадцать четыре.

«Уж больно у них все по-другому. Живут жизнью избалованных, привилегированных мечтателей... Драться и то небось совсем не умеет. Развалится на запчасти с первого же хука! – с неудовольствием подумал Растов. – А вот пистолет у него очень даже может быть...»

Заотар был так увлечен своими культовыми приготовлениями – та рыженькая девушка-кошечка с шелковой фабрики, похоже, была совершенно права, Кави-усан хотел подгадать к рассвету, – что заметил Растова с Чориевым, когда было уже поздно бить в колокола.

– Руки вверх! – решительно потребовал Растов. Армейский переводчик «Сигурд» повторил то же самое тоном ниже.

Кави-усан как-то очень нелепо крикнул и похлопал себя по тому месту, где следовало находиться кобуре с пистолетом.

Кобуры там не было.

Заотар поднял руки в интернациональном жесте подчинения и принялся судорожно озираться – мол, куда делся водитель-телохранитель, почему медлит?

– Где Нина? – Растов не счел нужным представляться, он решил сразу схватить быка за рога.

– Нина? Ах, Нина... Госпожа Света, – с нездоровой хмельной мечтательностью пробормотал Кави-усан, глядя в серый хлопок случайных предрассветных облаков.

– Где Нина, я тебя спрашиваю? – с нажимом повторил Растов. – Не заставляй меня пытаться! И даже не думай тянуть время!

– Пытать... – На лице Кави-усана промелькнуло выражение гадливости. – Пытать? Меня?

– Тебя, тебя, – проскрипел Чориев, кровожадно потирая руки, как это делают злодеи в детской приключенческой киноленте. – У нас в кишлаке знаешь, что с такими как ты делали?

– Нина в безопасности... И я люблю ее! – экзальтированно воскликнул Кави-усан.

– Есть мнение, что она зовет на помощь отнюдь не от избытка безопасности. – Растов начал приближаться к врагу с видом самым свирепым.

– Нина сейчас на лифте! Наверное, она просто испугалась! Но это временно! Она ждет церемонии там! Если бы она не начала драться, я бы не стал этого делать... А так... Мне просто пришлось ее связать! – затарахтел Кави-усан, загораживаясь от Растова обеими руками.

В этом жесте было так много детского, что Растов невольно содрогнулся.

«Ну что за театр он устроил, этот ненормальный? Неужели их не учат, в этих их духовных семинариях клонских, как бы они ни назывались, что это реально значит быть настоящим мужиком и умереть по-мужски? Тяжело с ним... Чувствуешь себя каким-то бездушным палачом».

– Почему Нина на лифте?

– Госпожа Света очень своенравна... Несговорчива... Самодостаточна... Она хочет идти своей дорогой! И я бы позволил ей...

Растов невольно отметил про себя, что заотар, при всей своей несурзности, дал Нине Белкиной верную и полную характеристику. Капитан полуобернулся к Чориеву и приказал:

– Спусти лифт вниз! Немедленно!

Заотар тем временем продолжал:

– Госпожа Света трудно понимает то, что я ей сказал... Она не оценила пророчества... Скорее даже, не желает оценить. Но когда взойдет солнце, когда Вэртрагна взглянет на нас своими космическими глазами, а Воху-Мана войдет в ее разум... Она поймет! Она должна понять!

«Все же удивительна тяга образованных людей к насилию... – промелькнуло в голове у Растова. – Сколько раз я слышал слова «должна понять» как раз от людей интеллигентных! Не понимает, но должна! Не хочешь понимать? Мы заставим! А кто будет плохо заставляться, плохо понимать, того возьмем... да и в расход! Потому что такие непонятливые нам, таким духовным, не нужны. А вообще-то мы за нежность, за терпимость и за любовь к ближнему во всей его хрупкой самобытности...»

Однако озвучивать свои мысли Растов не стал. Были темы погорячее.

– Кто находится здесь с тобой кроме водителя и Нины? Другая охрана у тебя есть?

– Вообще-то есть... Но не здесь.

– Не врешь? – Растов красноречиво качнул стволом пистолета.

– Нет-нет! Что вы!

– Что ты сделал с Ниной? Ты колол ей какие-нибудь вещества? Чтобы она лучше «понимала»? – Растов знал странноватую манеру клонов чуть что прибегать к помощи матери-химии.

– Нет! Я считаю эти методы бездуховными! Слово заотара должно быть сильнее любых веществ! – заявил конкордианец напыщенно.

– Оно конечно, – кивнул Растов, ловя себя на мысли, что заотар почти не вызывает у него ненависти. Скорее уж смесь отвращения с желанием не сильно, но все же больно наказать – как подростка, который справил малую нужду в подъезде.

Чориев и Нина все не шли.

Однако характерный шорох движущегося лифта – он доставлял людям к обзорной площадке на вершине кряжа – был уже отчетливо слышен.

– Еще раз, для протокола, – сказал Растов, выдергивая из штанов заотара брезентовый ремень – им он запланировал Кави-усана связать, чтобы тот не пытался смыться. – Что ты хотел сделать с Ниной?

– Станный ты человек, друджвант! – сказал заотар с досадой. – Разве не видишь, что я собирался говорить с богами? Я собирался взять Госпожу Света в жены! Я собирался показать ей сияние Истины, из нитей которого мы соткем ковер нашего с ней бытия!

«Ковер бытия... Господи...»

Растов стиснул челюсти и заиграл желваками. Не то чтобы метафора («ковер бытия, сотканный из нитей сияния Истины») была какой-то особенно отвратительной и неточной. Растов отдавал себе отчет в том, что злит его совсем другое. Теперь он был уверен, что это у него с Ниной будет совместный ковер. У него с Ниной. И больше ни у кого.

– А потом?

– А потом – жизнь! Потом мы бы жили с ней жизнь! – Влажные, чуть навекате глаза заотара глядели куда-то за горизонт.

Растов замолчал.

Переубеждать ненормального – задача для людей терпеливых и добросердечных. Ни тем ни другим Растов себя не считал.

– Поедешь с нами, – бросил капитан Кави-усану. – С этой минуты ты наш пленник.

Однако связанные за спиной руки никак не сказались на болтливости Кави-усана.

Растов выслушал обстоятельный рассказ заотара о том, как переменяют жизнь ищущего человека ритуалы. Как зависимо мнение женщины от божественных вибраций. О том, что такое супружеская пара с точки зрения Благой Веры и как близость священного огня, который неугасимо пылает в Пещере Дракона, преображает скверну и превращает говно в повидло...

В этой части заотарского рассказа Растов наконец бросил взгляд вниз, в черноту имени-того провала.

Там вяло змеились голубые огненные питоны, довольно-таки чахлые. «На таких даже сосиску не поджаришь», – подумал Растов презрительно.

В те секунды капитану меньше всего верилось, что эти призрачные синие огоньки могут что-либо «преобразить». А от сумбурных проповедей заотара грозила взорваться голова...

К счастью, со стороны лифта появились насквозь мокрый Чориев и Нина – ободранная, исцарапанная, перепачканная не то грязью, не то копотью, в порванном на боку платье. Растов машинально отметил, что Чориев успел развязать девушку.

– Костя? Ты? – оробела Нина, завидев Растова. И сделала шаг назад. – Я думала, ты... куда-то уехал... Ну, воевать.

– Я... – Растов тоже неожиданно сильно застеснялся. – Так и есть... Воюю. Я, кстати, хотел тебе позвонить... Но только связь не работала.

– Я так и поняла, что связь...

Однако даже после этих слов на шею своему спасителю Нина не бросилась, как сделала бы всякая героиня приключенческого фильма, даже фильма клонского.

Военюрист Нина Белкина обхватила руками озябшие предплечья и выжидательно уставилась на Растова. Мол, и что теперь?

Растов отвел взгляд и зачем-то напустился на Чориева.

– Почему вы так долго?! Я уж думал, что-то случилось!

– Так электричества-то нет, – пояснил наводчик обиженно. – Пришлось лифт вручную спускать, лебедку крутить... А Дзохар что – ишак? Нет, Дзохар крутит медленно...

Пока они спускались по лестнице, заотар успел прочесть еще одну бесплатную лекцию о том, как ничто на земле не помешает их с Ниной душам быть вместе, в том числе – нелепые козни Растова и Чориева.

Нина слушала, неприязненно поглядывая на растовский «Сигурд», откуда русский вариант проповедей Кави-усана и доносился. А потом протянула руку к груди капитана и в один щелчок переводчик выключила.

Растов некстати отметил, что даже это беглое, прагматичное прикосновение Нининой руки отозвалось в его теле неуместной волной блаженства.

– Нет сил уже от него, – отчеканила Нина, сердито хмуря брови.

Они остановились на стоянке возле Т-10, где, слава богу, все было тихо.

– Придется его пристрелить, – буднично сказал Чориев, кивая на заотара.

– Не положено... Он пленный, с нами поедет, – сказал Растов.

– Где поедет-то, командир? В нашей тесноте! Тут хотя бы девчонку устроить. – Наводчик кивнул в сторону Нины.

– Ты прав, – сказал Растов. – Но убивать этого романтического дурика... Нет. Не убиваю я священников. Даже священников тех религий, которые мне лично совершенно непонятны.

– Да я тоже зла на него, в общем, не держу, – сдавленно сказала Нина. – Ну то есть теперь, теперь не держу... Он немножко не в себе. Или даже множко... И потом, любовь – она же мучительница не только в книгах...

Растов кивнул. Он-то знал, что мучительница. Но теперь, после знакомства с Ниной, начал не «знать», а «чувствовать».

Глава 9

Мастер Наг

Январь, 2622 г.

Молибденовый кряж

Планета Грозный, система Секунда

Не заметить клонские танки было невозможно.

Пять ярких пятен ползли по экрану предварительной выдачи инфракрасного ноктовизора. Пять призрачных коробок, досчитанных парсером до основных боевых танков Конкордии «Рахш» – по экрану синтезированной реальности.

«На тараканов похожи. На бразильских», – нестати подумал Растов.

Танки двигались по той же асфальтовой дороге, по которой приехал их Т-10. Собственно, других дорог, ведущих на Молибденовый кряж, в этих местах не было.

Понять, замечен ли его танк клонами, Растов не мог. Вроде не стреляют... Ну и что? Мало ли какие на то причины?!

Бдительный Чориев тоже заметил «тараканов».

– Командир, можем перещелкать их всех прямо отсюда.

– Ты, Дзохар, хочешь сказать: «Можем обстрелять их прямо отсюда?» – сухо поправил Растов. – С такой дистанции вести огонь нельзя. В самом лучшем случае выьем две машины. А себя точно раскроем... И все, конец фильма.

Вступил Субота, горячий, как лазерпушка.

– Так что же делать, командир? Едут они, наверное, по нашу душу. А дорога тут одна... Разминуться не выйдет.

– Вариантов два. Первый: в засаду. Второй: атакуем их на полной скорости. Может, прорвемся.

– Вообще-то вариантов три, – надтреснутым голосом потомственного крючкотвора заговорил мехвод Фомин. – Я тут подгрузил карты из туристического атласа и заметил, что на них нанесена еще одна дорога. Можем по ней дернуть, втихую. Мы сегодня уже порядочно навоевали... Не говоря уж о плодотворных межкультурных контактах. – Мехвод, конечно, имел в виду катавасию с Кави-усаном и Ниной.

– Показывай свою дорогу, – потребовал Растов.

На тактическом экране перед ним возникла карта, отправленная Фоминым.

Поскольку карта была туристическая, а не военная, то вместо четких и ясных цифр (глубина бродов, ширина просек, крутизна склонов) она была покрыта яркими иконками мест, которые должны привлекать вечно голодного до квазидеятельности охламона с медиакамерой.

Схематичные стол и стул под заборной елочкой – место для пикника с выпивоном.

Официантка в треугольной юбке – кафе под открытым небом.

Стилизованная крепостная башня с осыпавшимся боком – тысячелетняя гевеевая роща с нагромождением плоских валунов величиной с ларек, являющих собой якобы руины древней цивилизации. Туристическая карта величала сие «Твердыней Звездочетов» – названием, конечно, многообещающим, но к действительности никакого отношения не имеющим.

– Вижу твою дорогу, – сказал Растов, проследив взглядом грунтовку, обозначенную пунктирной линией. – Если верить военной карте, там все кустарником заросло. Местами даже редколесье обозначено... Пройдем ли?

Фомин открыл было рот, чтобы поделиться мнением профессионала, когда сами обстоятельства положили конец дискуссии. Парсер сообщил, что их танк облучается лазерным дальномером, и Растов среагировал мгновенно:

– Фомин, полный назад! Чориев, кумулятивным по головному, огонь!

На парковочной площадке для широкоплечего Т-10 места было в обрез.

Чтобы уйти с директрисы огня, Фомину пришлось изувечить цепное ограждение, разорить клумбу с красными сальвиями и врубиться в жестяной щит туристической информации – кого не кормить, сколько стоит посорить, где чебуречная «Голодный дракончик», а где туалеты «М» и «Ж».

С воинственным скрежетом Т-10 разорвал щит надвое и на две трети заполз под огромный лоскут листового железа, словно под солнцезащитный тент.

В ту же секунду к ним прилетел клонский удлиненный кумулятивный снаряд с ориентированной боевой частью. Ему надлежало взорваться, оказавшись сверху над русским танком, и прожечь его направленной вниз кумулятивной струей. Так и случилось бы, но на пути снаряда неожиданно оказалась жесть информационного щита.

«М» и «Ж» спасли танкистам жизни: снаряд сработал преждевременно, истратив всю свою огненную ненависть впустую.

– Скорее на грунтовую дорогу! – приказал Растов мехводу.

– Так точно, командир.

Фомин, имея перед собой картинку с обзорных камер, еще сдал назад и, виртуозно крутнув танк на сто восемьдесят градусов, швырнул рычаги от себя.

Т-10 понесся с прытью бешеного бизона – как видно, стальной зверь застоялся, пока Растов решал вопросы любви и веры в обществе заотара, Нины и Чориева.

– Нина, береги голову! – крикнул Растов девушке, которая сжалась в комочек на свернутом тенте в дальнем углу боевого отделения.

Сказать, что она была «бледна и испугана», означало преуменьшить ее страдания. Нину буквально трясло от страха. Там, в лифте, на предрассветной прохладной высоте, она была и то жизнерадостнее...

Растов решительно отвел взгляд от вызывающей острую жалость наполоам с щемящей нежностью фигурки в синем платье. Думать о Нине в любом контексте, пусть даже самом невинном, означало обречь экипаж на гибель.

Противников временно разделили каменные нагромождения Молибденового кряжа.

Пользуясь передышкой, Растов просчитал возможные варианты действий клонских танков.

Те могут подняться к Пещере Дракона по асфальтовой дороге и двинуться за ними следом по заброшенной грунтовке. Либо спуститься, объехать гору с юго-запада и попытаться перехватить их Т-10 где-то перед автострадой. Либо, наконец, – и так поступил бы сам Растов на месте вражеского командира – пара-тройка танков поедет через Пещеру Дракона, а остальные двинутся в обход горы. Так стая волков загоняет больного лося...

– Дзохар, у меня к тебе личная просьба, – обратился Растов к наводчику. – Именно просьба, не приказ.

– Я конечно... Почему нет?.. Если смогу, – настороженно отозвался Чориев и как-то сник, будто чего-то совсем несуразного ожидая.

– За нами наверняка будет погоня. Я считаю, единственный вариант задержать клонские танки – мины.

– Я поставлю! – оживился Чориев. – Клянусь тысячей ташкентских девственниц! В чем трудность-то?

– Трудностей две. Во-первых, тебе придется сейчас вылезти на броню и быстро-быстро надеть ремонтный экзоскелет.

Чориев тяжело вздохнул. Экзоскелет этот – Растову сие было известно – Чориев ненавидел.

Но Растов притворился, будто вздоха не заметил.

– А вторая трудность в том, что до леса ты будешь скорее всего фигачить пешком. Ждать мы тебя не сможем, слишком опасно.

– Пешком? До леса? Да я за три дня не дойду! Так нельзя, командир! – страстно возмущился Чориев.

– Дойдешь за два, – хладнокровно пресек эмоции Растов. – А если мины не поставишь, никому из нас больше леса не видать... Никогда. Превратимся в водород, кислород и углекислый газ.

– И тепловое излучение, – мрачно уточнил Фомин. – Я тоже к просьбе командира присоединяюсь. Помогай, Дзо... Мы в безвыходном положении... Правда.

Чориев больше ничего не говорил. Он даже не попрощался.

Наводчик открыл люк и, предусмотрительно подцепившись страховочным фалом к кронштейну пулемета, вылез на броню.

Там он извлек из кормового навесного ящика экзоскелет и, цветисто ругаясь по-таджикски, принялся облекать в него свое с толком вылепленное природой тело.

Вся процедура заняла у Чориева четыре с половиной минуты.

«В норматив почти уложился», – автоматически констатировал Растов.

Субота тоже покинул свое место и, кряхтя от натуги, одну за другой передал Чориеву противотанковые мины – стальные чемоданчики с гремучим содержимым. Эти мины, конечно, не входили в штатную боеукладку танка Т-10. Но по настоянию мудрого комбата Улянича все машины, отправленные в рейд к «Инженерному замку», получили их именно для такого случая: минировать пути отхода.

Каждая мина весила по тридцать килограммов. И, конечно, без экзоскелета, усиливающего любое мышечное движение, свободно управляться с ними Чориев не смог бы.

– Удачи тебе, Дзо! В лесу обещаю проставиться, – сказал Субота и, помедлив несколько сентиментальных секунд, захлопнул люк.

Фомин притормозил. Чориев, поскрипывая сочленениями экзоскелета, сбросил одну за другой все четыре мины и спрыгнул на землю следом.

Преимущество было на их стороне. Заключалось оно в том, что танки преследователей они увидели первыми.

«Рахшей» было два. Это значило, еще три двинулись через кряж.

Растов совсем не удивился, когда опознал в одном из «Рахшей» тот самый, с красной снежинкой «Юнион Джека».

«Так и должно быть», – с удовлетворением подумал он.

Он испытал почти непреодолимый соблазн адресовать первый снаряд наглому вражине Нахогарану, но, поскольку парсер насчитал втрое большую вероятность поражения для головного танка, Растов решил не спорить с умной машиной.

Растов ударил бронебойным и сразу же приказал Фомину спрятаться обратно за хаос выбеленных солнцем огромных валунов у подножия горы. Вспышка выстрела выхватила «Кристина + Андрей = Любовь» на одном валуне и «СШ № 50 термоядерно рулит» на другом.

Уже отдав приказания, Растов подумал, что если клоны имеют в боекомплекте по паре лишних удлиненных снарядов, то они достанут его и за укрытием.

Однако идей понаряднее все равно не было.

А в следующее мгновение мозг Растова, работающий со скоростью корабельного астропарсера, вдруг озарился прозрением: он сложил все детали головоломки и понял, понял, как устроен танк клонского аса – этого самого Нахогарана Льюиса Тентакла, также известного как Мастер Наг!

Все необходимые компоненты этого знания имелись у него с того памятного боя на высоте 74, но лишь теперь фрагменты головоломки стали целым.

«У Мастера Нага в башне танка нет стрелка-оператора! Именно поэтому там образовалось место для второго барабана автомата ускоренного заряжания.

По этой же причине с танка сняты все управляемые пулеметы – ведь для работы с ними как раз стрелок-оператор и нужен. И лишь благодаря этому уцелел тогда Хлебов... Не во внезапном приступе гуманизма там было дело! Просто у клонского экипажа не оказалось под рукой пулемета.

А второй барабан автомата ускоренного заряжания, конечно, сила. Но это же и серьезный лишний вес. Особенно если считать с дополнительной электрикой и пневматикой. При этом башня у него крутится вдвое быстрее, чем у обычного «Рахша»...

Как такое может быть? На чем умелец сэкономил две тонны веса?..

А вот на чем! Он сменил штатную крышевую бронедеталь башни на облегченную! Сменил, точно! В расчете на то, что убьет любого русского быстрее, чем тот до его мухлеза додумается. И именно эту легкую бронедеталь мы срезали позавчера своим подкалиберным».

Растову хорошо запомнилось его удивление: надо же, с одного снаряда снесли бронекрышу!

«Вчера они новую крышу наскоро приварили – и вот сегодня неугомонный Мастер Наг снова в деле. Приехал русской кровушки попить».

На мгновение зеленая жижа неуверенности нахлынула на Растова. А вдруг его прозрения – не более чем фантазии?

Однако он прогнал сомнения прочь. Других объяснений просто не было.

Теперь оставалось понять, чем продырявить Мастеру Нагу тонкую крышу.

Сразу напрашивался подвесной миномет «Антон». Он висел по левому борту башни их «сотки» в независимом боевом модуле и, судя по индикаторам, был вполне боеспособен.

Однако, хотя выпускаемые «Антоном» мины и назывались самонаводящимися, реально поразить с их помощью что-либо с точностью до одного метра было так же трудно, как забросить баскетбольный мяч в корзину из центра поля. Кому-то – если верить спортивным каналам – такое удастся. Но почему-то никогда не тебе.

В общем, миномет не годился.

«Может, гранатой? Отправить Суботу... – промелькнуло в мыслях Растова. – Нет, это абсурд».

Будь у них второй экзоскелет – плюс к тому, который забрал Чориев, – и пара хороших противотанковых гранатометов, можно было бы и впрямь заслать Суботу на склон горы, партизанить. Со второго-третьего выстрела тот скорее всего попал бы.

Но у них не было ни гранатомета, ни второго экзоскелета. Не было, наконец, и удлиненных снарядов, предназначенных специально для этого – бить танки врага в уязвимую верхнюю проекцию. Они выпустили все удлиненные снаряды по клонским зениткам, стреляя не прямой наводкой по данным парсерной экстраполяции.

Что же оставалось?..

И тут Растов оторопел от смелости своего замысла!

Оставался самый обычный осколочно-фугасный снаряд. Старый добрый ОФС!

Почему?

Да потому что его взрыватель может программироваться с точностью до миллисекунд и, соответственно, до метров дальности.

Дело было за малым: заполучить танк Мастера Нага в прицел, успеть замерить точно дистанцию, затем с предельной быстротой, пока координаты не сильно изменились, прицелиться с минимальным превышением над башней и... выстрелить!

«А что же второй «Рахш»? Будет смотреть, как мы старшего треплем, и радоваться, какая, мол, жизнь пошла интересная?.. Ладно, с ним потом разберемся. В любом случае первым делом надо выбивать машину аса. Авось прилипала устрашится и сбежит, деморализованный».

Растов посмотрел на Нину, словно ища у нее поддержки. И хотя Нина лежала, прижав лицо к коленям и закрыв руками голову, Растову показалось: поддержку он получил.

– Субота, заряжай осколочно-фугасный! – скомандовал Растов.

– ОФС? – неуверенно переспросил Субота. – Не подкалиберный?

– ОФС, да.

– Но...

– Позже объясню. Ты заряжай.

Потом Растов обратился к мехводу:

– Фомин, я тут намерен заняться снайперской стрельбой. Поэтому, пожалуйста, что бы ни происходило – без моего приказа никаких перемещений. Стоим как приклеенные. Боремся за прицельность огня как за самое дорогое... Это ясно?

– Ясно.

Тем временем Субота выполнил приказание Растова. Теперь капитану требовалось лишь запрограммировать взрыватель снаряда на нужную дальность через парсер.

Но для этого, черт возьми, требовалось поймать в визир невидимый из-за нагромождений валунов танк Мастера Нага!

Оставалось ждать, пока у супостата сдадут нервы и он вырвется из-за каменного хаоса, прикрываясь машиной своего подчиненного.

В том, что все будет именно так, что первым в визиры полезет безымянный подручный аса, Растов не сомневался. Будь то акулы, волки, микробы или танки – всюду одно и то же: в решающие моменты сильные прикрываются слабыми.

И этот выход из безопасной тени самой смерти – смерти бронированной, тысячесильной, вольфрам-титанировой – был еще лучшим из всего, на что мог рассчитывать экипаж Растова. Ведь достаточно Мастеру Нагу умерить пыл, достаточно проявить подлинную расчетливость, которая, конечно, украшает настоящих виртуозов войны, – и через пятнадцать минут присланные из Новогеоргиевска вертолеты навеки заруют растовский Т-10 в розовые глиноземы планеты Грозный...

Однако Мастер Наг пыл не умерил. Он безоглядно, как ребенок, хотел быстрой победы любой ценой. Ведь счет подбитых им танков дошел до сорока девяти (по крайней мере, так полагал он сам и так писала газета «Хосровская заря»), и «непревзойденному», «богоравному» хотелось число округлить.

Дождаться вертолетов Мастер Наг не стал.

В унисон взревели два танковых мотора. «Рахши», набрав внушительную для бездорожья скорость в тридцать семь километров в час, понеслись навстречу своей судьбе.

Первым в командирский визир Растова ввалился ну конечно же располосованный городским камуфляжем танк ведомого.

Но капитану достало выдержки не выстрелить мгновенно.

В следующий миг он был вознагражден: в пятнадцати метрах за ведомым показался «Юнион Джек» – запыленный символ несуществующей державности.

Он, впрочем, тут же скрылся – башня «Рахша» довернулась на Т-10.

Но, в сущности, это ничего не меняло.

Растов, захвативший в визирный крест горбик запасного командирского перископа, снял точное расстояние и мгновенно перебросил ценную цифирь в память взрывателя ОФС.

Он так спешил опередить Мастера Нага с выстрелом, что чуть не забыл перевести парсер в режим автосопровождения...

Однако он все-таки нажал волшебную кнопку.

И, убедившись, что сервоприводы башни заставили пушку отслеживать движение цели («приклеилась», как говорили танкисты), торопливо нажал на спуск.

Снаряд преодолел расстояние до цели за семьдесят одну сотую секунды и взорвался в десяти сантиметрах над бронекрышей.

Пятнадцать килограммов осколков отправились в свой короткий полет.

Растов прилип к визирю.

«Неужели ошибся насчет легкой бронекрыши?»

Вдруг танк Мастера Нага замер на месте.

Его башня не двигалась. Пушка не шевелилась.

Потом он зачем-то сдал назад, проехал метра три. И встал – на сей раз навсегда.

Растов слишком хорошо представлял себе, что там, внутри танка с красной снежинкой. Знал, что патологоанатомам там делать нечего. И докторам – тем более нечего. Туда вообще лучше никогда больше не заглядывать. Никому. Ни за какие блага мира.

Несомненно, Мастер Наг был мертв. Возможно, выжил мехвод. Они обычно выживали – уж больно хорошо изолированы. «Но, конечно, не факт, не факт... Если там сейчас что-нибудь рванет...»

Однако, какова бы ни была судьба вражеского мехвода, сейчас Растову было не до нее.

Оставался ведь еще второй танк – тот, в городском камуфляже. И он не зевал.

«Б-бам!»

Т-10 потряхнуло так, что Растов едва не сломал руку, которой держался за обрезиненную рукоять визира.

Это было оно, чертово попадание.

– Пробоитие лобового бронелиста, – бесстрастно констатировал парсер. – Пожар в отсеке управления. Подаю пиродепрессант.

– Фомин, ты жив? – спросил Растов.

– Не дождетесь, – вяло отшутился мехвод.

– Разрешаю покинуть машину, – сказал ему Растов.

– Нина, ты как?

Но Нина не отвечала.

– Субота, вытаскивай Нину. Быстро! – скомандовал капитан.

Пока он отдавал приказания, его руки машинально выполняли работу наводчика.

Он дослал автоматом заряжания кумулятивный снаряд и захватил клонский танк в прицел.

Клонский танк, не будь дурак, снова выстрелил.

И наверняка убил бы Растова, сокрушив подпорченную броню боевого отделения, но его малоопытный командир зачем-то выстрелил с виража и, конечно, попадание пришлось не совсем туда, куда следовало бы...

Снаряд разбил правый ленивец растовского танка. На общем фоне это было комариным укусом.

«Еще четыре секунды отсрочки», – промелькнуло в сознании Растова.

В этот миг истошно закричала Нина.

«Ранена?!»

Растов отреагировал на крик девушки всплеском ярости.

– Я тебя сожгу... – простонал он.

Слова капитана потонули в раскатистом рыке танковой пушки.

«Кума» ударила клону в навесной элемент динамической защиты на правой скуле башни.

Устаревшая дешевка производства трайтаонского Предприятия по Трудовому Исправлению Злостных Вероотступников имени Добра хотя и сработала штатно, но спасти машину не смогла.

Кумулятивный пест прошел все слои брони, как тлеющая сигарета – шелковую сорочку, убил командира танка и, не останавливаясь на достигнутом, воспламенил оба бака жидкого пороха.

«Рахш» утонул в огненном торнадо.

Над саванной всходило медленное, малиново-красное солнце, похожее на оплывший флаг директории Ниппон.

По тропе из намертво засохшей грязи с отпечатками лап собаководных белок шли четверо.

Высокий боец с левой рукой на перевязи – это был Субота.

За ним шагал командир, капитан Растов. По его осунувшемуся крупному лицу ручейком текла кровь. Она сочилась из раны, которую он сам не помнил, когда получил... Бинтовать и колоть обезболивающие капитан не стал, хотя Нина неоднократно на этом настаивала. Говорил, не больно и торопиться надо. Насчет «не больно» капитан, конечно, преувеличивал.

На плечо Растова опирался Фомин. Хотя ноги мехвода более-менее шагали, его глазные яблоки закатились под верхние веки, как у спящего или сильно пьяного. Но Растов не волновался, он знал: так действует сильный армейский анестетик «Контролируемый сон». Он вколол его мехводу сразу после боя.

Время от времени Растов останавливался, чтобы дать контуженному попить воды.

А Нина шла рядом с ним и почти непрерывно озирала окрестности в командирский бинокль Растова.

При самых оптимистических подсчетах до спасительного леса оставалось часов пять ходьбы.

Вдруг сзади послышался необычный повторяющийся звук, который заставил всех насторожиться, а Растова – посадить Фомина на землю.

«Клик-клик! Кл-лик. Клик-Клик. Клик!»

Субота здоровой рукой вынул из кобуры пистолет, а Растов – тот просто глянул в сторону раздражителя голодным медведем.

Карие глаза Нины панически округлились. Что еще за неведомая клик-клик-напасть?

Но напасть была ведомая. Звали ее Чориев в экзоскелете.

– О-о, да это же старый гребанько Дзо! – радостно воскликнул Субота.

– Или лицо, на него похожее, – с несмелой улыбкой уточнила военюрист Белкина.

– Чориев, без вариантов, – подытожил Растов.

Только Фомин ничего не сказал. Потому что его сознание находилось в те минуты далеко-далеко, на осетровой ферме его родителей, возле города Астрахань, планета Земля.

Чориева было решено подождать.

Когда наводчик наконец догнал их, они двинулись чуть быстрее – теперь Чориев нес Фомина в своих неутомимых стальных ручищах, как жених невесту на ступенях Дворца бракосочетаний.

Через час с небольшим у Чориева в экзоскелете сели батарейки, зато вся компания наткнулась на красивый красный мобиль, одну из классических моделей «Руссо-Балта».

Растов припоминал: такую водил один из секретарей отца, подлюнчик Лелякин.

По всей видимости, красотку бросили в день объявления войны – такая дата стояла в строке «последнее включение двигателя» на экране ее бортового парсера.

Субота, любивший во хмелю порассказывать про свое беспутное детство в социально неблагополучных районах Читы, без колебаний высадил боковое стекло «Руссо-Балта» под-вернувшимся под руку камнем.

Еще две минуты надсадно выла сигнализация. Но Субота, налив из фляги воды в ему одному ведомую микросхему, быстро ее удушил.

Пока ехали к лесу, Растов сам не заметил, как заснул. Кажется, на коленях Нины.

– Ты не представляешь, как они громко жуют, эти гусеницы тутового шелкопряда! Когда они всей бандой листья жрут, над округой стоит такой неопиcуемый громкий звук... как будто несколько тысяч продавцов из обувных магазинов решили устроить адский флешмоб, достали из коробок с туфлями папиросную бумагу и ею шу-шу, шу-шу... шуршат нарочно, чтобы ты побыстрее умом тронулся... Если бы я знала раньше, я бы никогда ни одной шелковой вещи себе не купила... Носила бы всю жизнь синтетику. Ну, или хлопок...

«Как тогда, на фильме «Катилина», – подумал Растов, проваливаясь в дрожащее сладкое забытье.

Часть вторая

Мир

Глава 1

Растовы

2600–2610-е гг.

Архипелаг Фиджи – Калуга – Москва

Планета Земля, Солнечная система

Константин родился 28 марта 2589 года в семье молодого энергетика Александра Растова, всего лишь год как обосновавшегося на своем первом, полученном по распределению, месте работы – Четвертой термоядерной электростанции острова Вануа-Леву, архипелаг Фиджи, – и его супруги, Марии Голуб, одноклассницы Александра по институту.

Подобно всем прочим объектам острова Вануа-Леву, ТЯЭС-4 обслуживала потребности огромного города, известного в России как Столица, а в Европе как Метрополис – церемониального центра Объединенных Наций, величайшей империи в истории человечества.

Саша и Маша познакомились в оркестре русских народных инструментов, где застенчивый молчун Александр Растов играл на балалайке, а Мария Голуб, обладательница косы питона и обстоятельных, не девичьих бедер, – на цимбалах.

Рождению малыша радовались не только Мария и Александр, но и весь этаж новопостроенного семейного общежития при электростанции. Фантазией архитектора-индуса оно было стилизовано под распустившийся лотос, и Константин был первым ребенком, появившимся у обитателей каменного цветка. Многие молодые семьи восприняли его появление как хороший знак.

Сам Константин, казалось, был рад меньше всех.

Он мало кушал, много плакал и, казалось матери, все время хотел сообщить ей что-то важное, что плотно засело в его нежной младенческой головке. Хотел, но не мог.

К трем годам, впрочем, Константин оставил позади и хвори, и крикливость, и малый вес, став обычным здоровым детсадовцем с пластиковым бластером и усами от клюквенного морса.

Что стало причиной такого преображения – повышенная забота со стороны взрослых или снисходительный к человеческой биологии климат благословенного архипелага Фиджи, – теперь уже не важно. Важно, что, даже научившись говорить, высказывать то, что бродит на дне его сложной души, Константин так и не научился.

Когда «маленькому Косеньке» стукнуло три с половиной года, на Четверке произошла серьезная авария. Во время аварии волею Провидения отличился его отец, жилистый, с ранними залысинами надо лбом человек, к тому моменту начальник второго охлаждающего участка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.